

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВАЛЕНТИН ПРОНИН

ЧЕРЕЗ ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН

Исторические приключения (Вече)

Валентин Пронин
Через Западный океан

«ВЕЧЕ»

2020

Пронин В. А.

Через Западный океан / В. А. Пронин — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8189-5

Генуя, конец XV века. Знаменитый картограф и военный моряк Христофоро Колумбо задумал проложить морской путь в империю Китай и, вполне вероятно, в Индию. Однако большинству тех, кому он рассказывает о своей затее, дело представляется весьма рискованным. Никто не знает, что случится, если пересечь Западный океан. Учёным мужам, сидящим в кабинетах, легко говорить, что Земля шарообразна. А если на другой стороне океана – вовсе не граница империи Китай? Что, если там – граница нашего мира, отделяющая землю от небесных пространств? Если и готовить экспедицию, то вовсе не затем, чтобы поглазеть на край Земли, а затем, чтобы найти путь в богатую страну и обогатиться! Лишь авторитет мессера Колумбо способен заставить скептиков не отказываться от затеи и не поворачивать назад на полпути.

ISBN 978-5-4484-8189-5

© Пронин В. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Костер на площади	5
Картографы	10
Создание флотилии	18
Отплытие	26
Плавание	31
Острова и туземцы	37
Побег капитана Пинсона	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валентин Пронин

Через Западный океан

Роман

Костер на площади

Солнце поднялось высоко, и духота в мастерской серебряных дел мастера Антонио Мадини усилилась.

– Заверни-ка в кусок сукна дароносицу¹ святого отца архиепископа, – сказал седоватый в кожаном фартуке хозяин своему подмастерью Ренцо.

Тринадцатилетний сирота из деревни неподалеку от Генуи уже три года жил и работал у Мадини и кое-чему у него научился. Мастер Антонио был им доволен: парень крепкий, старательный, с большими крестьянскими руками. К тому же молчаливый, не в пример многим болтливым и дерзким генуэзцам. Ренцо вырос сильным не по годам и с виду вполне сошел бы за крепыша лет шестнадцати. Мастер надеялся, что Ренцо останется у него и дальше, хотя в Генуе каждый юноша воображал себя природным моряком. Каждый считал себя годным быть матросом на крутобокой каравелле, плавающей в разные порты по торговым делам, а то и на военном судне, готовым сражаться с турецкими пиратами.

– Да, сынок, – продолжал Антонио Мадини, – дароносица два дня как готова. Монсиньор архиепископ может проявить нетерпение и даже разгневаться. Так что бери узелок с ценной вещью, а дароносица – сосуд не только священный, но и сам по себе дорогой... и поторопись к собору Сан-Джордже. Там в приемной отдашь дежурному монаху. Плату за работу я уже получил. Ну а если что не так... Я потом подойду и улажу, как надо. Гляди только, будь осторожен. Наш несравненный порт, наша Генова Великолепная, город опасный. Я тебя посылаю одного, потому что уж очень занят нынче по взносам за аренду мастерской. Не то сам бы отнес. Тут у нас последнее время всяких грабителей да хитрого ворья не оберешься. Ладно, ступай с Богом. Все понял?

– Понял, синьор. – Ренцо надел потертую куртку, пригладил ладонью для порядка русые волосы, стриженные в кружок, взял под мышку узелок с дароносицей и, толкнув дверь, вышел на улицу.

Почти все улицы Генуи, мощенные булыжником или вовсе не мощенные, были довольно грязны, завалены всяким мусором, гнилыми отбросами, рыбьими внутренностями, которые отвоевывали друг у друга десятки шелудивых голодных кошек. Взлетали над черепичными крышами стаи разномастных голубей, в которых уличные мальчишки метко швыряли камни. Повсюду, особенно ближе к морю да и над самой гаванью, кружили, как белые хлопья, чайки, и везде в порту, каркая, скакали бочком взъерошенные вороны. Собаки гонялись за кошками, те яростно отбивались и вместе охотились на крыс, которых тоже шныряло немало – и около рынков, и в порту.

Люди разного звания и возраста наполняли торговый город. От бездомных бродяг и сутулых грузчиков, от разбитных горластых матросов до наемных стражников (сольдатто)² и всякого рода ремесленников: ткачей, канатчиков, оружейников, кузнецов, башмачников, плотников, а также продавцов рыбы, зелени, ломбардской³ муки и кисловатого местного вина. Возили

---

¹ Дароносица – священный сосуд, употребляемый во время католической службы.

² Сольдатто – от «сольдо», монета, деньги.

³ Ломбардская мука из Ломбардии (Сев. Италии), где протекает река По. Данная местность славилась урожаями пшеницы.

вино по городу в двухколесных тележках, запряженных ослом. В тележку вмещалось несколько больших глиняных кувшинов, а разливали желающим по оловянным кружкам и стаканам из толстого стекла. Чистой воды для питья в городе не было, ее привозили издалека, с отрогов Альп, из горных ручьев, как и вино, продавали воду за деньги.

Кругом толпились бородатые мужчины, дородные женщины, молодые девушки в чепцах с нарядными лентами или вуалью из кисеи, парни в суконных куртках или в одних рубашках, с жилетами поверх них. Встречались состоятельные купцы в добротных одеждах. Попадались знатные щеголи в цветных чулках, туфлях с серебряными пряжками, бархатных колетах⁴ с рукавами, широкими у плеча и брабантскими⁵ кружевами вокруг запястья, в длинных, несмотря на жару, плащах, да в высоких колпаках или плоских беретах. Стучали по булыжникам и вытертым плитам мостовых торопливо снующие генуэзцы деревянными подошвами, каблуками кожаных сапог и своеобразными скамеечками под женскую обувь – чтобы не пачкать подолы платьев в вонючих лужах или в серой пыли.

Ренцо привык к людскому круговороту и толчее вблизи порта, напротив высокобашенного замка с тюрьмой, дворцом архиепископа и собором Сан-Джордже (святого Георгия). Тут же перед собором находилась просторная площадь, где происходили то шумные торжища, то красочные праздники во время Пасхи или Рождества Христова, либо казнь государственного преступника – четвертование, колесование или просто отрубание головы широким мечом главного палача, одетого в красный камзол, маску и капюшон. Сжигали здесь же еретиков и колдуний, прикованных цепями к железному столбу.

Кажется, и сегодня толпа горожан недаром густо прибывала к площади перед собором Сан-Джордже. Издали видны были клубы дыма, искры, взлетающие над головами зрителей, и слышались пронзительные крики женщины, удостоенной столь торжественных и жестоких проводов в мир иной при помощи жарко пылавшего костра.

В толпе толковали, что горит некая Лауретта, ведьма и прислужница дьявола, в чем она сама созналась на допросе святой инквизиции.

– Сознаешься тут, – ухмыльнулся какой-то краснорожий бродяга, жующий кусок хлеба и подмигивающий толстой торговке, – сознаешься, когда тебя подвешат на крюке над жаровней... А? Катарина, как ты думаешь? Ведь про тебя тоже поговаривают, что ты колдунья... И для тебя будто бы слетать ночью на шабаш к хвостатым подружкам и рогатым кавалерам ничего не стоит... – Краснорожий, явно подвыпивший весельчак захохотал, его поддержали несколько приятелей.

– Мерзкие пьяницы и нахалы! – завопила высоким голосом торговка и замахнулась связкой вяленой рыбы, нанизанной на веревку. – Как ты смеешь, урод, оскорблять добрую католичку и честную вдову генуэзского моряка Габриэлло Фори! Это тебя и твоих дружков скоро схватит городская стража, и вы будете болтаться на виселице у набережной Сан-Мартино за воровство и разбой!

Впрочем, большинство присутствовавших на площади людей не особенно обращало внимание на подобные перепалки. Они старались оказаться поближе к тому месту, где на горящих поленьях корчилась Лауретта, выкрикивая проклятия своим палачам и отчаянно визжа. Генуэзцы обсуждали ее преступления перед святой церковью. Мало кто из них сострадал женщине, погибающей, скорее всего, из-за доноса каких-нибудь злоязыких старух, всегда готовых оговорить перед властями молодую горожанку, особенно если она была удачлива и хороша собой.

Ренцо невольно старался оказаться поближе к костру, хотя в душе все-таки жалел так мучительно гибнущую осужденную.

---

⁴ Колет – короткая одежда, поверх нее надевался плащ.

⁵ Брабантскими – из Голландии.

– Что, не терпится получше разглядеть, как глаза от боли вылезают из орбит у бедняги? – задел его какой-то худощавый, черноволосый молодец, сердито хмурившийся и с презрением смотревший по сторонам. – Дураки и злыдни приперлись развлечься страданиями несчастной... И ты туда же... Деревенщина – сразу заметно... Таким и кукольный балаган не нужен. Дай только каждый день наблюдать, как истязают бичом до крови или сжигают в огне...

– Да чего ты пристал ко мне! – Ренцо хотел отодвинуться от незваного обличителя, но черноволосый его толкнул – видно, хотел хоть на ком-то выместить непонятную другим досаду.

Тут уж Ренцо, обычно молчаливый и сдержанный, разозлился. Левой рукой он прижимал к себе узелок с дароносицей, зато правая была свободна. Недолго думая, он размахнулся и ударил обидчика кулаком.

Тот пошатнулся, отпрянул назад и, зацепившись за торчавший булыжник, упал навзничь на мостовую.

– Ну и вlepили нашему Чекко... – с сожалением сказал другой молодой парень, – видно, знакомый черноволосого. Он подхватил упавшего и оттащил его в сторону от толпы.

В ту же минуту какой-то вертлявый мальчишка, глядевший на ссору, подскочил к Ренцо и толкнул его под левый локоть. Узелок развернулся, дароносица выпала и, сверкая на солнце, со звоном покатила под ноги генуэзцев.

– Ого! – воскликнул горожанин в одежде ремесленника. – Да это серебро! – Он хотел было схватить изделие мастера Мадини, но его опередил солдат с алебардой в руках. Солдат дал пинка ремесленнику, взмахами алебарды разогнал остальных. Он поднял дароносицу и подошел к своему начальнику.

Кондотьер – начальник наемной стражи – в латах, сапогах со шпорами, с длинным мечом у левого бедра, сидел на лошади и находился поблизости. Солдат подошел к всаднику в латах, сказал что-то и передал ему в руки дароносицу. Начальник благодарно кивнул, положил ее в сумку и подкрутил завитые усы.

– Ваша милость! – отчаянно проталкиваясь, бросился к всаднику Ренцо. – Эта вещь сделана моим хозяином, мастером Антонио для монсиньора архиепископа! Я должен отнести ее в собор Сан-Джордже! Не сомневайтесь, ваша милость, я сейчас же отнесу заказ. Умоляю вас, верните дароносицу!

– Я ни в чем не сомневаюсь, – усмехнувшись, произнес кондотьер; он даже не повернул голову в сторону подмастерья. Затем тронул лошадь и поехал куда ему требовалось. Вопли умершей на костре колдуньи прекратились. Толпа стала расходиться.

– Верните дароносицу! – все еще пытался быть услышанным Ренцо.

– Эй, уймись-ка, дурачина, – сказал ему солдат, – пока я не огрел тебя по спине алебардой и не отвел в тюрьму. Откуда у тебя такая вещь? За воровство наказывают сурово. Так что иди своей дорогой, пока цел.

Ренцо чувствовал, как слезы текут по щекам. Они капали на грудь и смочили грубую материю на его старой куртке. Он сделал еще несколько шагов, бессильно уронив руки и опустив голову.

Пожалуй, первый раз в жизни он не знал, что ему теперь делать и как жить дальше. Конечно, мастер Антонио Мадини человек справедливый. Но прощать такой ущерб из-за растяпы-подмастерья он не станет. Ренцо не мог даже вообразить, какое наказание его ожидает. Нет, возвращаться к хозяину с пустыми руками нельзя. Пропал и кусок сукна, в которое завернута была дароносица.

И тут он увидел лежавшего на краю площади черноволосого юношу, того самого, кого он ударил. Прохожих близко от него не было. А те, что возникали по сторонам, к нему не подходили. Думали, может быть, что он пьян. Или попросту не желали ввязываться, если это труп.

Ренцо присел на корточки рядом с юношей. А что если он его убил? Горе еще сильнее охватило неопытную душу подростка. Какое злодейство он совершил! Но почему? Он же не хотел... Он только очень рассердился, а получилось страшное, непоправимое преступление. Лицо у черноволосого юноши было смугловато-бледное, нежное и красивое. И ведь, возможно, он из знатной семьи... О, это вдвойне ужасно! Ренцо обязательно приговорят к казни. Да, конечно, жалкого деревенского подкидыша-сироту повесят за двойное преступление: кражу священного сосуда и убийство отпрыска семьи из высокого сословия.

Рыдания сотрясли Ренцо. Он схватился за голову и тут увидел, что длинные ресницы черноволосого юноши дрогнули. Через несколько мгновений он открыл темно-карие глаза и спросил Ренцо:

– Ты плачешь? Разве я тебя ударил? По-моему, наоборот. Это мне от тебя досталось. Кулачище у тебя, как молоток.

– Прости меня, – всхлипнув, пробормотал Ренцо. Он помог юноше подняться и даже почистил, обмахнув ладонью, его одежду. – Слава Пресвятой Богородице, что не произошло худшего. Ты мог слишком сильно удариться головой. А сейчас вроде бы ничего... – Ученик мастера Мадини подумал о своем неудачном походе к приемной архиепископа, о грубом заимствовании дароносицы кондотьером и снова всхлипнул, вытирая лицо рукавом.

– Ну, если для меня все обошлось не так уж и плохо... Хотя висок, по правде говоря, болит... Да ты-то чего хнычешь? Я тебя прощаю, чего там... Я сам виноват. Нечего было соваться со своими поучениями... Что поделатъ: люди тупы и бессердечны... Бедная Лауретта погибла на костре. Уверен, сожгли ее из-за чьего-то злобного навета. Всё это происки доносчиков и монахов – инквизиторов. Они только и рыщут, чтобы погубить человека, вроде бы во имя чистоты веры, а на самом деле из корысти. И никакая Лауретта ни колдунья... Добрая была тетка, я ее знал немного. Веселая была, здорово плясала и пела на ярмарках. Из зависти, верно, и наболтали про нее всякой отвратительной чепухи... – Чекко с досадой махнул рукой. – Давай знакомиться. Меня полностью зовут Чезаре Руффини, а тебя? И чего ты грустишь? Почему не унимаешь дождь из своих сереньких буркал? Ясно, что неспроста... Так ты как крещен? Ну? Имя твое...

– Ренцо. Сирота я, подмастерье Антонио Мадини, серебряника... И вот сегодня...

Ренцо сокрушенно вздохнул и печально рассказал новому знакомому все, что случилось после того, как они поссорились.

– Ух, и наглецы же эти наемники, продажные шкуры. А начальники у них жестокие кондотьеры, чаще всего чужаки – тедески⁶. Что теперь делать? Не идти же к ним в казармы. Они тебя вышвырнут, как котенка. Дадут сапогом под зад да огреют ножнами от меча. И не думай разыскивать дароносицу, бесполезное занятие. Разве докажешь, что имущество архиепископа находится где-то у кондотьера... Куда же тебе податься, неудачливый мальчуган? Ладно, что-нибудь придумаем. У меня много приятелей в этом городе. Они помогут пристроить тебя к нужному ремеслу. Хозяину на глаза не показывайся. В лучшем случае он на несколько лет упечет тебя за решетку.

– Ты-то где работаешь? – чтобы отвлечься от грустных мыслей, спросил Ренцо. – Что ты умеешь делать?

Чекко шел рядом с ним, немного впереди, и как бы в раздумье. Вдруг ученику мастера Антонио показалось, будто где-то рядом звонко запела канарейка. Он даже стал искать глазами дерево, где находилась веселая птичка. Наконец сообразил: ни дерева поблизости нет, ни канарейка тут не при чем. Это насвистывал, сложив губы дудочкой, черноволосый красавчик в заношенной, как у него самого, одежде и стоптанных башмаках.

---

⁶ Тедески (итал.) – немцы.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся издававший приятный свист юноша. – Что, братец, забавно? Я еще умею передразнивать малиновку, дрозда и сороку... Даже соловья пытаюсь изобразить, но это трудно. Я с детства жил в разъездном балагане... тоже ведь, как и ты, сирота. Вот и пришлось выучиться петь, танцевать, издавать мычание, лай, мяуканье да свист разных птиц, чтобы веселить толпу. Надо было как-то зарабатывать на пропитание.

Ренцо даже рот разинул, когда, расставив руки и ноги, Чекко неожиданно прокатился перед ним колесом.

– Вот так ловкач ты оказался!

– Это еще что! – ответил на восхищение Ренцо случайный приятель. – Я умею балансировать на конце скамьи, поставленной только на две ножки, и ходить по тонкому канату, растянутому между двумя высокими повозками прямо над головами зевак.

– Так ты настоящий артист... – искренно удивился Ренцо. – Вот с каким искусником пришлось повстречаться! А я еще тебя ударил... эх!

– Ладно, позабыли про это приключение. – Чекко беспечно отмахнулся. – Зато у тебя руки как из железа. Сколько ты живешь на свете?

– Чего? – не понял, довольно замедленно соображавший ученик серебряника.

– Сколько тебе лет?

– А... вот-вот будет четырнадцать.

– Ты еще мелюзга. Мне уж шестнадцать. В школе при церкви грамоте учился?

– Да, целых три года. А потом только меня отдали в мастерскую к Мадини. Читаю и пишу я прилично. Ну а ты по годам готов в моряки или в солдаты. – Ренцо сказал это не без почтительности, ибо в Генуе после пятнадцати лет человек считался вполне взрослым. Не говоря о девушках: тех отдавали замуж в четырнадцать лет, иногда и в двенадцать.

– А скажи, малыш, не пробовал ли ты рисовать? Дело касается того, что я около двух лет как бросил выступать в балаганах. Я ученик художника. Как тебе понравится такое дело?

– Но я-то не могу писать красками. Однако изобразить грифелем контур для будущего литья или чеканки по серебру меня научили.

– О, это очень кстати! – обрадовался Чекко и хлопнул Ренцо по плечу. – Отведу-ка я тебя к своему синьору Пьетро Пинетти. Он замечательный умелец по письму красками. Когда-то синьор Пьетро рисовал портреты купцов, начальников военных галер и даже сенаторов. Но нынче маэстро оставил свою прежнюю работу. Сейчас растет спрос на другое искусство. И он стал одним из лучших картографов Италии, кроме таких, например, как Джованни Эсальтато, Кристофоро Коломбо... это генуэзцы... или великий флорентиец Паоло Тосканелли. О, это высокоодаренный, Богом отмеченный картограф! Наверно, он бы мог писать портреты богачей и епископов. Но теперь художники больше нужны для сотен морских капитанов. Пошли со мной, Ренцо. Я отведу тебя к синьору Пинетти, и ты станешь одним из его учеников.

– А если я ему не понравлюсь? Если он найдет, что у меня нет способностей для такого тонкого дела?

– Глупости! Ты уже владеешь грифелем. Осталось овладеть остальным. Сначала будешь растирать краски. Потом попробуешь нанести их на бумагу или пергамент. Мне хозяин уже поручает отдельные участки в своей работе. Когда-нибудь научишься и ты.

Картографы

Генуэзцы владели множеством островов Средиземного моря. В Византийской империи им принадлежала целая колония Галата. Они проникли в Черное море, где полностью захватили побережье с крепостью Кафзой⁷.

Вообще города Верхней Италии были наиболее богатой частью тогдашней Европы. Богатство давало им независимость от феодальных владетелей – от всех этих полунищих королей, герцогов, графов и баронов, от католических прелатов, епископов, архиепископов, иной раз даже от самого римского папы.

Каждый из городов Верхней Италии являлся самостоятельной республикой со своими выборными сенатами – сбором богатейших купцов, владевших флотилиями кораблей. Они считали себя патрициями, будто копируя сенат Древнего республиканского Рима. Впрочем, иногда в представители этого высокого сословия пробивались и сыновья простых людей – капитанов торговых судов, даже ремесленников: шерстобитов, литейщиков, мастеров серебряных дел.

Между итальянскими городами постоянно вспыхивали враждебные столкновения на суше и на море. Первыми из таких прославленных городов обозначались Венеция и Генуя; первая именовала себя Царицей Адриатики, вторая – Геновой Великолепной. Правда, кроме итальянских республик, испанцы, португальцы, а затем и голландцы, тоже стремились прокладывать пути для мировой торговли, становились их могущественными соперниками.

Однако наиболее ощутимыми были удары, наносимые венецианцам и генуэзцам турками – новыми захватчиками и претендентами на владение Средиземноморьем. Они уже владели большей частью Балканского полуострова – Грецией, Болгарией, Македонией, Сербией. Они вышли к побережью Адриатического моря и захватили ряд крупных территорий в Северной Африке (Триполи, Тунисе, Алжире). Они превратили эти места в целый ряд разбойничьих государств.

Южные области Италии, остров Сицилия и многие другие, прежде процветающие берега, жестоко страдали от турецких пиратов. Турки уничтожали христианское население сотнями тысяч. Это была большая часть народов, живших здесь прежде достаточно свободно, несмотря на распри между собой и давление сарацин.

Иногда некоторые христианские государи оказывались в роли предателей и помогали туркам победить своих прежних соперников. Соперничество христианских государей приводило к тому, что турки стали повелителями Ближнего Востока, в том числе Палестины. И в Европе, как несколько веков назад, снова распространилось духовное возбуждение, призывавшее христианских воинов собрать большое войско и, как когда-то, снова устремиться в Святую землю (Палестину), отвоевывать у мусульман Иерусалим и освободить Гроб Господень. Но для этого требовались огромные богатства.

Времена настали другие. В бою побеждали не бесстрашные рыцари-копейщики и меченосцы. Лучников заменяли постепенно стрелки из арбалетов, но главное – требовалось употребление огнестрельного оружия. Луки и стрелы, даже арбалеты, были уже недостаточны.

Требовались аркебузы, стрелявшие свинцовыми пулями. А морские сражения могли быть успешны только при наличии артиллерии – быстро распространились бомбарды (пушки), стрелявшие чугунными ядрами.

Для победы нужны были сотни пушек, тысячи ядер, свинцовые пули для аркебуз, порох, сера, селитра... И вместо галер, которые еще служили иногда для морской торговли, следовало

---

⁷ Совр. Феодосия.

иметь флот, состоявший из быстроходных каравелл – без весел, зато с более сложной системой управления парусами.

Обо всем этом без умолку говорил черноволосый Чекко, который превратился из враждебного ругателя в доброжелательного спутника Ренцо. Ох, сколько всякой всячины знал этот ученик живописца и картографа!

Юноши долго шли узкими улочками, где едва разойтись двум прохожим или ослу с поклажей. Наконец они вышли к верфям, где ватаги рабочих строили и оснащали корабли. Если смотреть на них сверху, откуда и выбегали все гористые генуэзские улицы, то берег бухты напоминал муравейник. Казалось, муравьи тащат соломинки и травинки для своего жилища. Только приблизившись, становилось понятно: сотни строителей несут, обтесывают, строгают бревна и доски, тянут канаты и налаживают снасти судов.

А там, где кончалась суша, где уже плескались замусоренные опилками морские волны, раскачивалось множество пришвартованных к причалам или стоящих на якоре каравелл, галер, галиотов, барок и прочих, более мелких судов – как торговых, так и военных. Хотя иной раз и на торговых кораблях пушек было не намного меньше, чем на военных. Выходить далеко в море, приближаться к чужим берегам оказывалось настолько рискованным, что торговля или сугубо военные предприятия мало чем отличались друг от друга.

Среди множества одноэтажных, двухэтажных и даже трехэтажных кирпичных домов, расположенных вблизи берега, Чекко указал на высокий, хотя и облупленный дом, в котором дверь оказывалась почти под крышей. К ней вела деревянная, довольно шаткая лестница. Из двери навстречу юношам вышла какая-то взлохмаченная женщина средних лет с корзиной в руке.

– Привет тебе, любезная Мариэтта, – сказал Чекко и подмигнул Ренцо. – Это наша уважаемая кормилица. Если бы не она... И хозяин, и все остальные домочадцы были бы голодными. От нее зависит – будет сегодня в доме обед и ужин... или не будет ничего.

– Вот и пошли со мной на рынок, будешь таскать корзину с провизией, – ткнула в него пальцем Мариэтта, видно, здешняя кухарка. – Давай, поворачивайся. Нечего болтаться с утра неизвестно где.

– Никак не могу сегодня, драгоценная Мариэтта, да поможет тебе Матерь Божия... Я привел для синьора Пьетро нового помощника, толкового молодца.

– Ну, так я и знала... Еще один оболтус явился на мою голову, – рассердилась Мариэтта.

– А я сейчас же вышлю тебе Луиджи. Он и будет носить за тобой корзину, – бодро пообещал Чекко и потащил за рукав Ренцо.

Они вошли в просторное помещение, где на дощатых столах были разложены большие листы толстой бумаги. На некоторых уже были нанесены очертания берегов, островов, мысов и заливов, а так же разных городов и приморских гаваней. Одни были еще в начальной стадии работ, другие уже радовали глаз красочными участками, линиями синих течений и четкими надписями черной тушью.

Художник и картограф Пьетро Пинетти, человек небольшого роста с острой бородкой и добродушным выражением лица встретил юношей приветливо. Ренцо вежливо ему поклонился. Он сразу почувствовал надежду на будущее благоприятное устройство своей жизни.

– Доброе утро, хозяин, – сказал Чекко. – Вот привел вам парня, умеющего наносить очертания нужного вида с помощью грифеля. Если вы научите его пользоваться красками и делать красивые надписи латинским шрифтом, то у вас через некоторое время будет еще один помощник, не считая меня и Луиджи... Кстати, его ждет наша Мариэтта. Ты должен таскать за ней на рынке корзину с провизией. – Он заявил это круглолицему светловолосому юноше лет двадцати. Луиджи не стал спорить, надел шапку с петушиным пером и скрылся за дверью.

– Садись на скамью, – предложил Ренцо синьор Петро. – Расскажи о себе и объясни...

– Синьор, – почтительно вмешался Чекко, – гораздо лучше будет, если все, что требуется для выяснения обстоятельств, расскажу я.

– Что ж, давай, представь мне нового помощника, Чекко, – засмеялся синьор Пинетти.

И Чекко, не забыв объявить, что нового товарища зовут Ренцо, бойко выложил перед хозяином все, что произошло на площади перед замком Сан-Джордже, не упоминая только о драке. Зато он весьма подробно распространился про всё остальное. Когда он наконец умолк, синьор Пьетро печально покачал головой.

– Во-первых, жаль бедную Лауретту. Боже, как жестоки наши законы и порядки, тем более когда жестокость необоснованна да еще исходит от решения церковных властей. Ну что касается невезения, постигшего Ренцо, ничего не поделаешь с грубой жадностью кондотьеров. К твоему хозяину, тебе, и правда, лучше не показываться. Когда-нибудь ты сможешь заработать и скопить ту сумму, которую ты обязан возратить мастеру Мадини. Что ж, живи у меня, учись картографии. Учись усердно и внимательно. Кораблей и морских походов становится все больше. Капитаны каравелл, а их многие сотни во всех странах, хотят иметь точные, достоверные и красивые карты. Их требуются уже тысячи. Правильно нарисованная, мастерски исполненная карта стоит иной раз не меньше, чем портрет какой-нибудь титулованной особы. Учись, мальчик. Я со своей стороны желаю тебе только добра.

– Благодарю вас, синьор Пьетро, – прижав руку к груди, сказал Ренцо, – да благословит вас Господь за вашу доброту.

И Ренцо остался в доме синьора Пинетти. Вместе с другими учениками он постигал искусство картографии. Конечно, ему трудно было достичь тех успехов, которые уже имели Чекко и Луиджи. Но скоро и ему мастер стал поручать ответственные части работы.

Кроме того, находиться в доме Пьетро Пинетти было гораздо интересней, чем в душной мастерской мастера Мадини.

В доме с лестницей, ведущей под самую крышу, на третий этаж, в мастерской художника часто появлялись крепкие мужчины с загорелыми, грубоватыми от морского ветра лицами. Среди них были и скромно одетые хозяева небольших торговых судов, и владельцы быстроходных каравелл, а иногда и водители целых флотилий.

Иногда заявлялись разодетые в бархатные колеты и плащи, украшенные мехом куницы, сопровождаемые слугами важные адмиралы, утвержденные генуэзским сенатом. Но и они вежливо снимали шляпы со страусовыми перьями перед умелым картографом. Они доставали звенящие дукатами кошельки, когда расплачивались с именитым мастером за большую расцвеченную яркими красками карту Европы или западного берега Африки. Там были точно обозначены и прилегающие Азорские, Канарские и прочие острова, давно захваченные, правда, португальцами.

Были и украшательства, вроде странной человеческой головы с раздутыми, как пузыри, щеками и будто дующими толстыми губищами, что изображало тот или иной ветер, возникающий в разных местах в определенное время года.

Ближе к вечеру, почти ежедневно, приходили приятели-художники, тоже живущие от продажи рисованных географических карт. Щедрый хозяин приказывал кухарке Мариэтте накрыть один из столов для дружеского ужина.

И хотя ужины были не столь изысканными, но зато обильными. Жареная рыба, кусками разложенная на блюдах, всевозможные оставляемые приливом закуски, вроде устриц, улиток, крабов и мяса морских ежей. Кроме того, Мариэтта варила большую миску бобов с чесноком. Остальное – овечий сыр, хлеб и вино.

Среди гостей, известных и менее известных картографов, выделялся один весьма знаменитый, по имени Кристофоро Колумбо, коренной генуэзец, сын шерстобита, сам с детства занимавшийся ремеслом. Мужчина лет пятидесяти, плотный и статный, привлекавший внимание чрезвычайно серьезным и благородным выражением лица. Зачесанные назад, чуть седе-

ющие волосы открывали широкий лоб, на котором словно было написано нечто значительное и необычайное, постоянно тревожащее синьора Коломбо.

Хозяин относился к этому гостю с особым почтением. Прочитавший множество разных книг, не столько образованный, сколько высоко самообразованный человек, он и как рисовальщик географических карт, являлся чуть ли ни ведущим среди остальных мастеров этого дела. Однажды, в свободное от работы время, синьор Пьетро рассказал ученикам о жизни столь примечательного генуэзца. Оказалось, несмотря на скромное происхождение, Кристофоро Коломбо уже давно известен многим знатным и влиятельным особам как в Генуе, так и в других городах Италии, и даже в иных странах Европы. Мессер Кристофоро был знаменит своими превосходными картами, которые он уточнял с помощью сведений, почерпнутых из старинных книг прославленных путешественников, но так же и узнанное в рассказах ныне живущих мореплавателей. Его карты особенно ценились людьми, стремившимися освоить новые торговые пути. Тем более, что старые дороги в страны Востока стали недоступны из-за турецких завоеваний.

В четырнадцать лет Кристофоро бросил занятие шерстобита и удостоился стать матросом на каком-то военном корабле. Словом, Кристофоро начал жизнь моряка в возрасте подростка. Вскоре он был ранен при абордажной резне с турками, а в двадцать четыре года уже назначен офицером на одну из лучших каравелл генуэзской флотилии.

– Когда же синьор Кристофоро превратился из военного моряка в рисовальщика карт? – Ренцо слушал рассказ Пьетро Пинетти с восторгом, как дети слушают сказки о волшебниках и героях.

– Как и многие, связанные с морем, Кристофоро мечтает о новых походах против неверных.

– Я слышал, хозяин, – смело вмешался Чекко, – синьор Коломбо буквально грезит об освобождении Гроба Господня.

– Это верно. Такие настроения и призывы доносятся отовсюду. Но многие в христианских странах понимают: для этого предприятия потребуется огромное войско, вооруженное аркебузами и бомбардами. А значит, нужны богатства, мешки золота, чтобы все это заказать в оружейных мастерских по всей Европе. Нужны сотни военных кораблей и просто неисчислимая армия пеших бойцов... Иначе не победить турецкого султана.

В те вечера, когда у Пьетро Пинетти были гости и он устраивал дружеские ужины, Чекко и Ренцо, да и Луиджи тоже, прислуживали гостям. Они, конечно, и не мечтали оказаться за столом, но зато могли беспрепятственно слушать их разговоры.

Ренцо особенно привлекало то, что рассказывал синьор Коломбо и все, о чем он рассуждал.

Однажды Коломбо вспомнил о том, как он, будучи на генуэзской каравелле, вступил в сражение против французского флота. Французы без предупреждения и без видимых причин начали обстреливать генуэзцев из бомбард. Генуэзский корабль загорелся. Французы стали приближаться, собираясь, видимо, захватить горевшее судно.

Выбора не было: попасть в плен или спастись вплавь. Большинство прыгнули за борт и поплыли к берегу. Среди них был и Коломбо.

– Мне Господь послал достаточно упорства, – сказал в заключение синьор Кристофоро. – Но многие мои товарищи вынуждены были погибнуть. Я и еще несколько человек достигли берега. – Он поднял глаза к висевшему на стене распятию и перекрестился.

Слушавшие рассказ Коломбо последовали его примеру.

– Все в руках Господних, – произнес Пинетти. – И мы имеем удовольствие видеть вас живым.

– Вот я и воспользовался случаем. Перестал воевать и принялся рисовать карты для мореходов, – засмеялся Коломбо.

Присутствующие тоже рассмеялись и закивали одобрительно.

– Вы, кажется, говорили, что там, в Португалии, и женились, дорогой друг, – подмигнул почетному гостю Пинетти.

Синьор Кристофоро встал из-за стола и в возбуждении расхаживал по комнате.

– Так, а как же с женьбой? – снова напомнил один из гостей. – Об этом вы ничего не сказали.

– Это случилось несколько позже, – продолжил, останавливаясь, знаменитый картограф. – Брат Бартоломео хотел сосватать для меня дочь своего начальника. Я женился на его дочери. Ее звали Филиппа. Она была красивая, воспитанная в лучших манерах, кроткая и скромная девушка.

– Что довольно редко для пылких португальских девиц, – весело вмешался щеголь Казальо.

– Продолжайте, продолжайте, синьор Кристофоро. Эй, Чекко, разливай гостям вино. Что это ты задремал, парень?

– Я не сплю, хозяин. Я просто заслушался рассказами мессера Коломбо, – встрепенулся Чекко.

– Вскоре после венчания с Филиппой, – сказал Коломбо, – моего тестя назначили губернатором острова Порто-Санто, что неподалеку от африканского берега. Туда я и переехал с Филиппой. Там у нас родился сын Диего.

– Поздравляем вас, досточтимый мессер Кристофоро, – воскликнули все за столом.

– Благодарю вас. Но, оставляя семейные дела в стороне, я хочу возвратиться к той теме наших споров, которая волнует нас как картографов. В основе нашего общего мнения лежит понятие о шарообразности земли, которое пока не поддерживается церковными властями...

– Но в прямую уже и не отвергается, – засмеялся Эсальтато.

– Во всяком случае, за утверждение этого светского догмата, – хмурясь, сказал Пинетти, – вас уже не схватят и не поволокут на костер.

– Может быть... – неуверенно и загадочно произнес Франко Казальо.

– Я внимательно изучил книгу мессера Марко Поло, венецианского купца, великого землепроходца, побывавшего в империи Чинца или Цинца, завоеванной тогда монгольскими ханами, – задумчиво сказал Коломбо. – Я даже позволил себе испещрить многие страницы своими пометками, чтобы ничего важного не позабыть. Сам венецианец сумел стать крупным чиновником у великого хана монголов, завоевавших эту огромную, многонаселенную, таинственную страну. Кстати, сам Марко Поло называет ее Катай, а не Чинца, как принято в Европе.

– Я тоже читал книгу венецианского путешественника, – заметил Эсальтато. – Многое мне показалось какой-то не очень достоверной сказкой. Например, там где говорится, будто существует страна, где якобы живут люди с одной рукой и одной ногой. Поэтому, мол, они не ходят в вертикальном положении, а постоянно крутятся колесом.

Все присутствующие засмеялись. Особенно весело хохотал Чекко, пока хозяин не погрозил ему пальцем из-за его излишней несдержанности. Но Чекко не особенно смутился.

– Я тоже умею катиться колесом, – заявил он с задором. – Ведь я до четырнадцати лет выступал на праздничных торжищах в разъездном балагане. Мне это и сейчас ничего не стоит.

– А в другом месте у Поло есть запись про такое место, где люди могут снимать с плеч свою собственную голову. Они часто носят ее в руках или под мышкой.

– Ну, это уж абсолютная чушь, – разом заговорили все картографы, а Эсальтато попросту возмутился от такого вранья.

– Дело в том, – раздумчиво произнес Коломбо, – что мессер Марко Поло писал свою великолепную книгу не собственной рукой. Он находился тогда в плену, у нас в Генуе, в тюрьме замка Сан-Джордже. Всего пробыл здесь четыре года. А книгу он диктовал одному заключенному, сидевшему с ним за участие в военной стычке галер. Его звали Рустичелло. Говорят,

родом он был из города Пизы, и занятие его в обычное время заключалось в писании рыцарских романов. Но вы, конечно, знаете, что эти проворные господа сочиняют в своих романах? Кроме бесконечных погонь, сражений, поединков между королями, герцогами, графами и прочими героями там участвуют еще и великаны, чудовища, злые волшебники и прочие сказочные существа. Ничего нет удивительного, если Рустичелло в правдивые и трезвые сообщения венецианца внёс для развлечения публики откровенные выдумки. Так и остались наряду с деловыми сообщениями всякие невероятные глупости.

Молодой картограф Козальо пожал плечами. Он переглянулся с Эсальтато, и на губах его промелькнула усмешка. Он явно скептически относился к экзальтированной и безыскусственной вере синьора Коломбо.

– Это именно те места в неизведанной Азии, где можно приобрести неисчислимые богатства. Он сообщает о том, что у местной знати невероятное количество золота и драгоценных камней. Даже крестьяне во время свадьбы украшают невест, как принцесс, золотыми браслетами, ожерельями, кольцами и диадемами. А в храме на таинственном острове находится статуя их главного идола Бодисатвы. Марко Поло указывает, что во лбу этого идола или в его короне вкраплен рубин величиной с человеческую ладонь. Красный свет от такого огромного рубина озаряет лицо Бодисатвы, словно горит неугасимый светильник.

– Господи, сколько же полновесных золотых дукатов может стоить этот рубин, если его продать на европейском рынке! – воскликнул кто-то из гостей. – На такие деньги можно нанять и вооружить любое войско!

– В книге мессера Марко есть указание следующего содержания. – Коломбо продолжал ту же тему. – Неподалеку от завоеванной монгольскими ханами страны, названной Поло страна Катай, расположена на нескольких островах еще одна сильная держава, которую он именует Сипанго или Ципанго. Люди, населяющие эти земли, внешне похожи на тех, что живут в империи Катай. В этом самом Ципанго тоже, как и в Катае, умеют ткать шелк разных расцветок, с причудливыми и красивыми узорами. Но действительно поражает сообщение венецианца об огромном количестве золота в этой стране. Мессер Марко пишет, что все крыши домов в столице Сипанго покрыты золотом.

– Я бы поправил вас, мессер Коломбо, – сказал Эсальтато, человек упорный, не менее Коломбо увлеченный дошедшими до его времени письменными свидетельствами. – Так вот, в книге Марко Поло, где говорится о золотых крышах, не совсем ясно: сам ли венецианец бывал на тех островах или только разговаривал с людьми, там якобы побывавшими.

– Не знаю, чем объяснить мою доверчивость, но я верю Марко Поло, – несколько смущенно улыбнувшись, сказал Коломбо. – И тем более, если мы все-таки убеждены в шарообразности планеты, на которой живем, то напрашивается вывод: двигаясь на восток через турецкие и сарацинские земли, можно сушей достичь империи Катай, а южнее – Индии, а еще дальше к восходу солнца, через тамошнее море оказаться у города с золотыми крышами. Но тогда, рассуждая логически, двигаясь от европейских берегов наоборот, то есть через Западный океан... противоположный маршрут приведет... Нет, лучше скажем: должен привести наши каравеллы в страну Ципанго, в империю Катай, и даже, вполне вероятно, в Индию.

– Ваша логика убеждает. Но хотелось бы более материальных подтверждений этой риторической слаженности.

Коломбо вдруг быстро повернулся, отошел от окна, где небо уже темнело и высоко над Генуей показалась луна. Он наклонился к столу, уставленному остатками ужина.

– Послушайте меня, друзья мои, и я сумею убедить вас вполне доказательным рассказом. Когда я жил на Азорских островах со своей женой Филиппой, тестем – губернатором Перестрелло и моим братом Бартоломео, я, держа в уме предположение о пути через океан, часто посещал побережья многих островов, обращенных на запад. Особенно тщательно я рассмат-

ривал эти места после сильных штормов, которые происходили от ветров, дующих со стороны солнечного заката.

– Вполне разумное положение, – словно бы подтвердил сказанное Коломбо синьор Пинетти. – Продолжайте, пожалуйста.

– Так вот, у берегов, обращенных к западу, я не единожды находил пригнанные ветром через пространство океанских пучин огромные стволы деревьев с зелеными листьями. Следовательно, расстояние от Азорских островов до неизвестного нам берега на противоположной стороне океана не такое уж огромное.

– Конечно, раз листья на деревьях не успели завянуть или отмокнуть, – поддакнул Пинетти. – И эти не с африканского или, тем более не с европейского берега. Значит, они росли на суше где-то на той стороне...

– Однажды я нашел кусок дерева, явно обработанного человеческими руками, каким-то острым орудием. На куске дерева было вырезано изображение некого идола... но с явными человекоподобными чертами: носом, глазами, губами и с большими ушами, как бы оттянутыми мочками ушей. – Мессер Коломбо показал, какими примерно были уши неизвестного идола. – И наконец... моим братом Бартоломео и несколькими матросами обнаружили два трупа, тоже пригнанные ветром.

– Как только их не сожрали акулы! – удивился Козальо.

– Эти трупы людей неизвестной расы, – продолжал Коломбо, – не походили на негров или европейцев – южных или северных. Скорее, по сведениям моряков, побывавших некогда в Крыму, за Понтом Евксинским, эти доставленные штормами мертвецы своими скулами и узким разрезом глаз походили на татар или другие народы из татарских степей. Как вы знаете, так условно обозначаются на картах лежавшие за огромной рекой Итиль⁸, за бесконечно просторными степями, где кочуют или кочевали во времена Марко Поло подданные Татарского хана, бравшего дань с московитов, русов, буртасов, аланов и сотни других народов вплоть до завоеванной империи Китай.

– Мне кажется, у вас вполне достаточно причин обратиться к сильным мира сего, к властным и богатым людям за помощью в осуществлении ваших устремлений переплыть океан в западном направлении, – подытожил рассказы мессера Коломбо Пьетро Пинетти.

– Да, я считаю: за океаном и есть край того таинственного Востока, богатства которого нужны для освобождения Святой земли, – подтвердил Коломбо. – Я прожил на Азорских островах и в самой Португалии восемь лет. Я не сомневался, что всякое правительство, которому я предложил бы создать флотилию, с готовностью даст средства ввиду неисчислимых выгод, грядущих после открытия богатых стран, лежащих за океаном на запад от Европы. Именно из-за этих будущих выгод я желал, чтобы это плавание поддержало мое отечество – Генуя.

– Почему же до сих пор оно не осуществлено? – спросил Пинетти. – Почему вы здесь не в качестве водителя флотилии, а продолжаете работать картографом?

– Я покинул Португалию, хотя был представлен ко двору короля Альфонсо Пятого. Сам король удостоил меня беседы. В ней я изложил свои доводы, о коих мы сегодня говорили. Однако король засомневался в достоверности моих сведений. Но, по-моему, он хотел, чтобы во главе будущего похода оказался португальский флотоводец. Альфонсо Пятый необычайно ревностно поддерживает стремление португальских капитанов в освоении африканского берега. У него есть твердое намерение найти человека, который бы обогнул материк и узнал пути к Индии.

– Так отчего вы снова в Генуе? – взволнованно спросил Эсальтато.

– Вы обращались в генуэзский сенат? – перебил его Пьетро Пинетти.

---

⁸ Река Итиль – Волга.

– Я обращался в сенат, вооружившись всеми имеющимися у меня документами и картами.

– И что же?

– Сенат в глубоком молчании выслушал мой доклад. Мне показалось, что сенаторы были очень заинтересованы, Они долго совещались потом и предложили мне явиться на завтра для окончательного ответа. Я пришел на следующий день.

– Каков же был ответ сената Генуи?

– Мне отказали по причине недостаточности государственной казны.

Создание флотилии

Однажды, когда синьор Пинетти вместе с учениками Луиджи, Чекко и окончательно принятым Ренцо увлеченно трудились над раскраской географической карты, в мастерскую вошел Эсальтато.

После взаимного приветствия и нескольких замечаний по поводу новой карты, мастера уселись в кресла. Они перешли к разговору, касающемуся дальнейших усилий мессера Коломбо найти поддержку где-либо в высоких кругах иностранных государств.

– Мессер Коломбо – человек редкого упорства, – говорил Эсальтато, держа в руке случайно попавшуюся в его пальцы кисть, и словно подтверждал свои слова взмахами этой кисти, как неким указующим жезлом. – Я встретил его младшего брата Якопо, рассказавшего, что за последние месяцы произошло немало событий, касающихся его старшего брата. Внезапно умерла от какой-то неизвестной болезни его жена Филиппа. Коломбо не оставил сына Диего у тестя, а привез в Геную. Тут он оказывал денежную помощь своему престарелому отцу, тоже ставшему недавно вдовцом.

– Да, жизнь идет своим чередом, – вздохнул Пинетти, слегка склонив голову с видом, словно подтверждавшим неизбежность грядущих печалей. – Уходят близкие родные люди. Дела продолжают одолевать. И хочешь не хочешь, а нужно продолжать осуществление задуманного, чего бы это ни стоило.

– Так считает и мессер Коломбо, судя по его дальнейшим предприятиям. Вместе с сыном и братом Бартоломео он плывал на торговой каравелле в Англию. К чему бы это, спросите вы, тащиться по штормящему морю на север в такую даль? Однако, думаю, Коломбо и в Англии искал возможность предложить при королевском дворе свой замысел плавания через океан. Там он, наверное, получил решительный отказ и на каком-то подвернувшемся судне отправился домой. Но по пути остановился в Португалии, где однажды уже пробовал разговаривать по тому же поводу с королем.

– Король Португалии, кажется, отнесся к предложению генуэзца довольно благожелательно, – вспомнил синьор Пинетти. – Правда, они так и не договорились. Но король Мануэль...

– К сожалению, король за прошедшее с той поры время уже скончался. В Португалии правит новый монарх – Жуан... по-португальски Жоао Второй. Впрочем, он тоже рьяно поддерживает мореходов, стремящихся присоединять к португальской короне новые земли. Говорят, он особенно одобряет намерения двух офицеров, братьев да Гама, обогнуть Мыс Бурь, проплыть вдоль всего побережья Африки и найти путь в Индию.

– Тогда как наш мессер Коломбо мечтает о том же, но совершив более краткое плавание в западном направлении...

– Еще неизвестно насколько короче или гораздо дольше будет его предполагаемый в будущем маршрут через океан, если он вообще состоится, – возразил Эсальтато. – Это невозможно предположить. Никто из живших ранее или живущих ныне мореплавателей не замыслил такой поход в неизвестность.

Молодые ученики синьора Пинетти внимательно слушали мнение опытных генуэзских картографов о дальнейшей судьбе самого привлекательного человека в их окружении.

И он появился как всегда неожиданно и величественно, будто представитель королевской династии. Дружески обнявшись с хозяином, Коломбо объявил, что должен опять срочно ехать в Португалию для обсуждения с новым королем возможности создания флотилии. Да-да, с целью пересечь океан... и под его командорством. Кроме того, мессер Кристофоро попросил Пинетти уступить ему двух из его учеников для собственного сопровождения на время аудиенции у португальского короля. Коломбо сказал, что купит для них добротные колеты,

плащи, головные уборы и все прочее, требующееся, чтобы «пажи» генуэзского предпринимателя выглядели вполне достойно. Он тотчас достал кошелек и выложил перед синьором Пинетти пригоршню золотых. Здесь было достаточно для обеспечения молодых людей всем необходимым, и как компенсация для Пинетти, который временно лишился помощников.

Затем Колумбо сказал, что выбирает Чекко и Ренцо. Попросил быть готовыми через два дня. Пинетти только хлопал глазами: откуда у вечно нуждающегося мессера Кристофоро такая сумма? Неужели он столь удачно распродал в Англии свои карты? Или он таким образом распорядился приданным недавно скончавшейся Филиппы? Это была загадка. Но мессер Колумбо не стал ее раскрывать.

По прибытии в Португалию с двумя помощниками Колумбо довольно быстро добился представления новому королю.

Жоао Второй оказался еще большим, чем его предшественник, любителем мореплавания и покровителем мореходов. Это был довольно молодой человек со светлой бородкой, энергичными движениями и пристальным, заинтересованным взглядом. Одежда его отличалась модными в это время украшениями в виде кружевного воротника, золоченых пуговиц, цветных чулок и золотой цепочки, на которой висел образок святого Николая, патрона всех моряков. Ему сразу понравился представительный генуэзец, его убеждающий мужественный голос, величественные манеры. И то, что он выглядел не как частный проситель королевского снисхождения, а будто посол некоей значительной державы. Благоприятное впечатление произвели и двое юных, скромно и опрятно одетых слуг.

Король слушал красноречивое и обстоятельное предложение мессера Колумбо, почти не прерывая его вопросами или уточнениями. По окончании достаточно пространного изложения Жоао Второй пришел в восторг. Он сразу объявил, что согласен снарядить флотилию.

Чекко и Ренцо переглядывались и весело подмигивали друг другу за спиной патрона. Король бодро встал со своего королевского сидения. Провожая Колумбо до дверей кабинета, он предложил встретиться на следующий же день и обсудить подробности. Обрадованные генуэзцы отправились в гостиницу в самом радужном настроении.

Но, когда на следующий день обсуждение предложенного мессером Кристофоро предприятия (уже в присутствии нескольких ближайших придворных) продолжились, то дело приняло совсем другой оборот. Условия, заявленные генуэзским картографом, показались всем чрезмерными.

Они были действительно необыкновенны. Прежде всего, первоначальное намерение Колумбо открыть новые пути в далекие страны для приобретения огромных богатств были для него (как он и заявил) необходимым средством при завоевании Святой земли у неверных и освобождения Гроба Господня. Если бы ему не удалось осуществить эту мечту, то он собирался завещать ее своим потомкам. А чтобы новые открытия действительно дали бы ему богатства, необходимые в войне с турецким султаном, ему должно было обрести особые владетельные отношения к открытым в будущем землям. Это также требовалось для известности во всей Европе, титулованности и авторитета. И всё – чтобы стать во главе нового в христианской истории Крестового похода против турок.

Ввиду всего этого мессер Колумбо требовал, чтобы он заранее был письменно и законно утвержден и назначен вице-королем или генерал-губернатором всех островов и континентов, которые будут им открыты. Также он считал обязательным, чтобы он получал в свою личную собственность половину всех богатств, которые португальское правительство получит от присоединенных им стран.

Вначале придворные и король почувствовали себя возмущенными от таких требований безвестного генуэзца. Прозвучали резкие и даже мстительные голоса. Некоторые считали недопустимыми даже тон требований Колумбо.

Впрочем, через некоторое время король словно бы склонился к принятию этих условий. Но придворные настаивали на том, что условия чрезмерные. Тогда король Жоао Второй предложил генуэзцу пожизненное губернаторство и захотел увидеть написанную им записку, где будут указаны все действия и направления флотилии, а также одну из карт с обозначением предполагаемых маршрутов.

Коломбо отказался от ограничений своего будущего права и титула. Но записку, достаточно обстоятельную, через несколько дней представил королю. Португальцы заявили, что будут изучать со своими командорами реальность предложений, указанных Коломбо.

Когда Коломбо представил обстоятельную записку о предстоящем маршруте флотилии, португальцы воспользовались указанным в ней географическими данными. Втайне снарядили корабль, который и был отправлен по указанному в записке пути. Но корабль, отправленный без ведома картографа, отклонился от указанных данных и неожиданно попал в бурю, разыгравшуюся в это время года, чего португальский флотоводец не ожидал. С трудом выбравшись в более благоприятное место, корабль скоро вернулся назад. Экипаж был напуган, капитан в растерянности.

Впрочем, узнав об этом поступке короля, Коломбо, хоть и огорчился, но хотел продолжать переговоры. Тут в Лиссабон приехал его брат Бартоломео с несколькими друзьями. Они имели доступ в секретные службы королевского двора. Там предупредили его, что на мессера Коломбо возможно покушение.

Так и случилось. Однажды к вечеру Кристофоро Коломбо возвращался из какой-то купеческой конторы в гостиницу. Шел, слегка задумавшись, опустив голову. Вспоминал не так давно скончавшуюся жену. Над крышами домов скопились сыроватые тучи, ветер дул с океана.

Чекко и Ренцо следовали за господином, слегка поотстав.

Внезапно две фигуры, закутанные в плащи, появились из боковой улочки. Они направились явно наперерез пути мессера Кристофоро. Несмотря на сумрак, блеснуло оружие.

Коломбо случайно поднял голову, остановился. У него тоже был небольшой, легкий клинок. Хозяин гостиницы посоветовал носить с собой. В городе было беспокойно. Из соседней Испании, где еще не закончилась война с маврами, перебежало немало разбойников.

Один из появившихся незнакомцев достал узкий меч и шагнул навстречу. Коломбо положил руку на эфес своего клинка, выжидая. Но тут Чекко совсем неожиданно выхватил откуда-то свой клинок, который носили обычно моряки военных каравелл.

– Э... мерзавец... – сказал второй неизвестный в плаще. Он тоже приготовил меч. Чекко бросился к нему, клинки зазвенели.

Мессер Коломбо тоже решительно обнажил свое оружие. Тогда Ренцо мгновенно высмотрел увесистый камень. Он поднял его, приладился, откинув рукав широкой куртки. Камень мелькнул, ударив в лицо того, кто делал опасные выпады в сторону Чекко.

Правда, Чекко довольно уверенно отражал эти выпады, хотя его клинок был намного короче. Тем временем Ренцо запустил камнем во второго незнакомца. Первый, получивший сильный удар камнем в лицо, попятился. Лицо его было рассечено, обильно текла кровь. Закрывая ладонью рану на лице, подосланный кем-то убийца убрал меч.

– Дьявол побери... – прохрипел он. – Их тут много... Сеннёр алькайд⁹ нам не заплатит...

Мессер Коломбо плашмя ударил мечом своего противника по плечу. Тот зашипел от боли, но намеревался продолжить бой.

– Где же Алонсо? – злобно крикнул нападавший. Получив укол от оружия Чекко, он злобно выругался и шархнулся в темную улочку, откуда и появился. За ним, размазывая кровь по лицу, исчез второй.

---

⁹ Алькайд (*исп.-порт.*) – правитель города, мэр.

– Надо вернуться в порт, – сказал взволнованно мессер Коломбо. – Скорее найти брата Бартоломео и его приятелей. Там ведь мой сын Диего. В гостиницу возвращаться нельзя.

Мессер Коломбо и сопровождавшие его юноши вернулись в порт. Там они быстро нашли его сына и брата. Остальные генуэзцы, приехавшие в Португалию по разным делам, узнав о случившемся, посоветовали мессеру Коломбо срочно покинуть Лиссабон. Сам Коломбо не думал, что нападение на него предпринято по приказу короля. Скорее так проявилось раздражение кого-то из придворных. Но все равно: оставаться было рискованно.

На рассвете отплывала каравелла, принадлежавшая герцогу Рене Лотарингскому, захватившему к тому времени Неаполь и прилегавшие земли. По каким-то поручениям герцога ей надлежало посетить Геную. Это очень пригодилось при сложившихся обстоятельствах. Коломбо тотчас договорился с капитаном о местах для себя, сына и двух слуг. Капитан Жак Плие пригласил почтенного синьора занять помещение рядом с собственной каютой.

В Генуе Коломбо погрузился в свои семейные дела: устраивал жизнь восьмилетнего сына и престарелого отца. Чекко и Ренцо вернулись в мастерскую Пьетро Пинетти, с усердием продолжая постигать искусство рисования географических карт.

Прошло много времени. Ренцо не раз слышал от хозяина и его гостей о хлопотах мессера Коломбо, упорно предлагавшего возглавить флотилию для преодоления океана в западном направлении. Он продолжал убеждать разных именитых особ, что с их помощью сумеет открыть неизведанные пути к берегам империи Катай, островов Ципанго, где жители покрывают крыши домов золотом, и найдет сказочно богатую Индию. Коломбо снова обращался в генуэзский сенат. Ему отказали так же безоговорочно, как и в первый раз.

– Вот надменные, тупоголовые ослы! – возмущался, саркастически усмехаясь, Чекко, когда они с Ренцо обсуждали отказ сенаторов в помощи этому выдающемуся человеку.

За столом у синьора Пьетро Пинетти, когда собирались его друзья-картографы, споры о напрасных хлопотах мессера Коломбо не утихали до поздней ночи.

– Теперь он отправился в Испанию, – говорил с иронией Козальо. – Однако это еще более безнадежное обращение, чем к генуэзским сенаторам, английским лордам или к португальскому королю. Более несговорчивых, самодовольных и жестоких государей, а таковы, по слухам, Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, не найдешь во всем свете. Они и обвенчались только из сугубо политических причин, без какой-либо личной приязни... я уж не говорю о хоть малейшем чувстве любви. Хотя королева Изабелла – златоволосая Исабель, как называют ее испанцы, – на редкость красивая и умная женщина.

– Вообще-то короли не часто женятся по любви, – засмеялся Пинетти. – Обычно им недоступна такая роскошь. Это не для них. Во главе всего в королевских браках династические споры или, наоборот, объединения для увеличения государств. Влияние нежных чувств тут на последнем месте. Однако короли и королевы возмещают потом супружескую холодность множеством любовниц и любовников прямо при собственном дворе.

– Право, не зря насмешливые разговоры о всемилостивейших монархах допускаются среди граждан свободной республики, не в пример запуганным и угнетенным подданным королей. Никто не стесняется и не боится изложить любое мнение о власти предрержащих, – произнес Эсальтато с гордым видом. – Говори что хочешь, о ком хочешь. Никто тебя не тронет. Если, конечно, речь не идет о кощунственном осуждении святой католической веры... вот тогда...

– Да уж, тогда в нашей свободной республике Генове Великолепной так же легко угодить в темницу или на костер, как в Риме или в Мадриде, – не без язвительности заметил Козальо.

– Кстати, о Мадриде или, вернее, о Кордове, бывшей столице мавров, где сейчас находится испанский королевский двор. Пока война с маврами не завершилась, порядки и этикет там настолько строги, а обиход настолько скуден, по сравнению с другими дворами, что вряд ли нашему дорогому Кристофоро Коломбо удастся уговорить короля с королевой дать денег для плавания, – сказал Эсальтато.

– Когда его брат Бартоломео приезжал в Геную последний раз из Испании, а он там работает вместе с Кристофоро – составителем карт...

– Как и мы здесь, друзья... – вставил некто Луччано Пронти, старый художник.

– Он мне рассказал, – продолжил синьор Пинетти, отмахиваясь нетерпеливо от Пронти. – Так вот, он, то есть Бартоломео... и рассказал мне, что мессер Кристофоро случайно познакомился с настоятелем монастыря, почтенным Хуаном Пересом. А монастырь этот возле городка Палоса, и настоятель Перес с давних пор значится духовником самой королевы Изабеллы Кастильской. Так вот Перес проникся к нашему мессеру Кристофоро самыми добрыми чувствами. Он очень увлекся его замыслами плавания через океан и добывания неисчислимых богатств для обеспечения войска против турок, за освобождение Гроба Господня.

– О, какое полезное знакомство произошло у мессера Кристофоро! – воскликнул с удивлением Эсальтато. – Прямо промысел Божий, клянусь... ни больше, ни меньше...

– Еще бы! – воодушевленно продолжил Пьетро Пинетти. – Настоятель Перес написал рекомендательное письмо священнику, постоянно находящемуся при дворе. Поначалу уговорить королеву принять какого-то безвестного чужестранца оказалось нелегким делом. Но со временем мессер Коломбо сумел приобрести друзей, близких королевскому двору. Их он тоже очаровал своими манерами, любезным и увлекательным разговором и, между прочим, поразительным планом о плавании к берегам Индии, Катая и островам Ципангу с их городами, дома которых покрываются золотыми крышами.

Разумеется, все эти беседы и особенно сведения о жизни мессера Коломбо в Испании заворожено слушали его бывшие слуги и соратники во время договоров с португальским королем Жоао Вторым. То есть нынче опять ставшие скромными учениками картографа Пинетти Чекко и Ренцо. Они втихомолку вздыхали о днях, проведенных вместе с мессером Коломбо, о путешествии в Лиссабон и приключении с покушением на их патрона, славной схваткой, закончившейся, к счастью, благополучно для всех.

Между прочим, как упомянул синьор Пинетти на основании рассказа Бартоломео Коломбо, его старшего брата в Испании называют Кристобаль Колон.

– А знаешь, Ренцо, не плохо бы нам с тобой выучить испанский язык, – высказался однажды Чекко. – Мало ли что... А, может быть, мы еще пригодимся мессеру Кристофоро Коломбо, которого испанцы называют Кристобаль Колон.

И они обнаружили старика капитана барки, привозившей овощи на рынки Генуи. Его звали Франчелло Гомес. Он был родом испанец и по-настоящему имя его произносилось, как Франсиско. Так вот, этот добродушный старик с удовольствием согласился за совсем мизерную плату говорить с подмастерьями картографа Пинетти на своем родном языке, звучавшем по сравнению с италийским диалектом генуэзцев, довольно грубо. Но поскольку Ренцо и Чекко помнили немного португальское наречие, то уловить кастильские созвучия оказалось не так уж трудно.

Между тем мессер Кристофоро Коломбо или, как его теперь именовали, Кристобаль Колон, жил своим прежним искусством картографа. В числе лиц, с которыми он часто встречался, живя в Кордове (а там теперь находился королевский двор), была молодая вдова Беатриса Энрикес. Муж ее несколько лет назад погиб в бою с маврами. Познакомившись с мессером Колоном, Беатриса полностью увлеклась его намерениями проделать поход через западный океан. Со временем они стали друзьями. Беатриса принимала у себя в доме умного и статного генуэзца с все большим удовольствием. И, когда мессер Колон предложил ей обвенчаться с ним, она согласилась.

Жена принесла мессеру Колону не только любовь и уважение, но и небольшое состояние, давшее ему возможность независимой жизни. Через год у них родился сын Фернандо.

Мессер Колон продолжал добиваться аудиенции Их Королевских Величеств. Он обратился с письмом прямо к королю Фердинанду. Ответа на это письмо не последовало. Колон расстроился, но не настолько, чтобы прекратить свои притязания на встречу с монархами.

Неожиданно на помощь Кристобаль Колону пришел новый папский нунций (представитель Ватикана), только что прибывший к испанскому двору, Антонио Геральдини. Оказалось, что мессера Кристофоро рекомендовал бывший с ним в переписке выдающийся тосканский (из Флоренции) картограф, известный всей Европе Паоло Тосканелли, пользовавшийся большим уважением в Риме.

Возможно, под влиянием всех этих обстоятельств мессеру Коломбо (Кристобаль Колону) была дана аудиенция Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Соединившись браком исключительно из политических соображений, монархи самых сильных христианских государств на Пиренейском полуострове образовали силу, которая могла положить конец владычеству мавров. Завершалась «реконкиста» (освобождение) от неверных последними заключительными победами христиан.

Для обеспечения войска в борьбе против мавров требовалось много средств, которых явно недоставало испанским монархам. И тут как раз возник человек, обещавший в обозримом будущем найти способ приобрести богатства в результате путешествия на кораблях через западный океан.

Итак, мессер Кристобаль Колон, получив аудиенцию в королевском дворце, должен был разрешить сложную задачу. Дело в том, что испанские монархи обладали совершенно противоположными свойствами характера. Коломбо сразу, каким-то тайным проникновением души понял, от кого из них он, скорее всего, может ждать помощи в своем предприятии.

В темных бархатных одеждах он выглядел достаточно скромно, хотя и не бедно, как следует выглядеть почтенному, имеющему значительный авторитет ученому.

Королева Изабелла, высокая, красивая светловолосая женщина средних лет, одетая богато, но не чрезмерно роскошно, как если бы она принимала посла какой-нибудь значительной державы, все-таки сразу дала Коломбо надежду благожелательным выражением лица и мягким, почти девичьим тоном голоса, когда она спрашивала о каких-то подробностях в изложении его доклада. Король Фердинанд, коренастый, с правильным, смугловатым лицом и темными волосами, с небольшой квадратной бородой, уже при входе в залу приемов не озаботился тем, какое впечатление произведет он на некоего не особенно заинтересовавшего его пожилого итальянца. Он выглядел скучноватым, с оттенком недовольства, даже несколько пренебрежительно отворачиваясь время от времени на протяжении всей беседы.

И все-таки Коломбо повезло.

Глубоко верующая, честная, правдивая, склонная к идеальным увлечениям Изабелла сразу внутренне была на его стороне. Главная мысль Коломбо – в результате достижения далеких восточных стран приобрести богатства для осуществления войны против неверных за Гроб Господень – привела ее в восторг. Наоборот, Фердинанд, корыстный, сухой по натуре, не особенно увлекся конечной идеей планируемого похода. Хотя открытие новых земель и находение там большого количества золота и прочих ценностей все-таки его привлекало.

Фердинанд втайне завидывал португальским королям, уже давно посылавшим свои корабли вдоль западного берега Африки и устроившим в некоторых местах этого материка, а также на близлежащих островах свои колонии. Черные рабы, возделывавшие земли под хлопковые плантации, под виноградники и сады, как и ценные породы деревьев в лесах, наконец, слоновая кость и даже золото (правда, в небольших количествах) – это уже имели португальцы. Они же собирались обогнуть весь Африканский материк и разузнать пути в Индию, что вызывало в корыстной душе короля Фердинанда ревностное ожесточение.

А тут еще этот генуэзец со своими сказочными проектами!.. Впрочем, он не особенно ему доверял, хотя в случае успеха... Что ж, может быть, все-таки попробовать. Но – деньги!

Идет война, мавры изгоняются из последних городов на южном берегу Испании... А в казне почти не осталось и нескольких сот золотых монет. Ведь надо платить офицерам и солдатам, надо покупать еще и еще порох, свинец, чугунные ядра для бомбард, чтобы довершить осаду последних мавританских крепостей...

Фердинанда поддерживали некоторые высокие духовные лица из его свиты, которым он отдал решение о плавании генуэзца на рассмотрение. Они создали «хунту» – собрание особенно доверенных лиц, готовых отказать так называемому Кристобалью Колону. Но с другой стороны – а вдруг генуэзец окажется прав?

Изабеллу в ее склонности создать флотилию для плавания через Западный океан поддерживали многие знатные придворные, настроенные более решительно и своевременно подступающей эпохе географических открытий и завоеваний. Мессер Колон решил создать флотилию на деньги, предложенные ему первыми грандами испанской знати, – это были герцог Медина-Седония и герцог Кинтанилла. Узнав о такой внезапной удаче Колона, король Фердинанд сказал Изабелле:

– Ну вот, настойчивый генуэзец добился финансовой помощи наших надменных грандов. Теперь он тем более будет жать на то, чтобы мы дали согласие признать его вице-королем всех открытых земель и отдавать ему половину предстоящих доходов...

– Я думаю, если он откроет пути в Индию и в города с золотыми крышами, то пусть он называется как угодно: вице-король или губернатор, все равно... это будет лишь подтверждением того, что Бог за него. Хватит тянуть с согласием, августейший супруг, пора согласиться с мессером Колоном, пока мы его не потеряли. Флотилию ему может дать на таких же условиях французский король или Генрих Английский. Да мне уже передали сведущие люди, что наш португальский сосед Жуан или, как они там произносят «Жоао», очень сожалеет, что отказал генуэзскому мореходу раньше. Теперь он готов на все его предложения. И стоит, пожалуй, утихомирить вашу «хунту», пока Святые Отцы не перестарались и не объявили мессера Колона еретиком.

– Пожалуй, вы правы, августейшая супруга Исабель. Объявите Кристобалью Колону, что флотилия будет ему предоставлена сразу по окончании войны. Наши смельчаки уже взяли крепость Базу. Скажите генуэзцу: сейчас, мол, военные расходы не дают нам возможности осуществить его великие планы. Осталась у мавров Гренада. Она уже окружена. Еще немного – и... Словом, пусть еще подождет.

Наконец Гренада пала. Большая часть мавров успела сесть на корабли и отплыть в Северную Африку: в Марокко и Алжир. Оставшееся население, которое уцелело во время взятия города – мавры и мавританские евреи, – объявило испанским полководцам, что хотят стать подданными Их Величеств Изабеллы и Фердинанда, а также принять христианство.

Испанцы торжествовали. Реконкиста завершилась. Оборванные, перевязанные окровавленными тряпками, изможденные солдаты Их Величеств протягивали руки прохожим и говорили: «Подайте мараведис (мелкая монета) героям Гренады». Народ бедствовал, а какой-то полусумасшедший итальянец обещал через короткое время обогатить королевство золотом, привезенным из-за океана.

«Хунта», учрежденная Фердинандом, категорически требовала отложить «нелепый» морской поход. Король и королева предложили неистовому прожектеру новые, весьма скромные условия.

Мессер Колombo пришел в негодование и прервал переговоры с Их Величествами. Он не мог согласиться на другие условия. К этому времени его вторая жена-испанка умерла от неизвестной болезни. Вообще если в Германии и Франции тем временем свирепствовала чума, то в Испании возникали случаи заболевания проказой. Говорили, что эту неизлечимую болезнь занесли из Африки воины ислама, спешившие на помощь терпящим поражение маврам.

Итак, в Испании Колумбо больше ничего не держало. Он решил отправиться в Париж и обратиться к королю Франции.

Когда весть о прекращении переговоров между мессером Кристобалем Колоном и испанским правительством распространилась в обществе, высокопоставленные друзья генуэзца приложили все усилия, чтобы убедить Изабеллу не упускать его. Они говорили ей о славе, которая покроет её имя, если она устроит это плавание, о распространении христианства в новооткрытых странах, о неисчислимых выгодах, ожидающих их отечество.

Изабелла прониклась представленными ей доводами и объявила, что снарядит каравеллы для плавания на средства своего Кастильского королевства. За мессером Колумбо был послан офицер, который догнал его уже по дороге во Францию и вернул ко двору.

Решившись взять дело в свои руки, Изабелла оказывала мессеру Кристобалью Колону постоянное покровительство. Фердинанд, напротив, был очень недоволен и относился к генуэзцу крайне холодно. Тем не менее между «королями» и Колумбо была заключена конвенция, предоставляющая главе флотилии все те звания, привилегии и права в Новом Свете, которых он требовал.

И как раз в эти дни к картографу Пьетро Пинетти пришел брат мессера Колумбо Бартоломео с настоятельной просьбой отпустить своих учеников Чекко и Ренцо в Испанию для услужения назначенному адмиралу флотилии мессеру Колумбо.

Синьор Пинетти почесал в затылке, растерянно крикнул и развел руками.

– Разве я могу отказать в чем-либо моему глубокоуважаемому другу? – сказал он Бартоломео Колумбо. – Конечно, парни мне очень помогают в моем ремесле. Они многому научились и поднаторели в картографии. Однако дело мессера Кристофоро – дело святое. Собирайтесь, молодцы, я вам препятствовать не буду.

Чекко и Ренцо чувствовали себя счастливыми. Они с сердечной благодарностью поцеловали синьору Пьетро руку как своему учителю и наставнику в жизни. А через неделю уже подплывали к испанскому порту Палосу, где еще были заметны развалины крепостной стены, преодоленной испанцами при штурме.

Кроме того, бросались в глаза разгромленные мечети, на которых были сбиты верхушки минаретов и установлены католические кресты. В порту, на крыше высокобашенного дома, ветер развеивал белый флаг с изображением красного льва в короне, стоявшего на задних лапах, а также крест Кастилии. По улицам ходили испанские солдаты с пиками и рыцари в латах. Многие были ранены. Попадались и смуглые чернокудрявые люди в темных странных одеждах, они со страхом поглядывали на солдат и жались к стенам домов.

Это были оставшиеся в городе мавры и евреи. Все они уже окрестились. Им дали христианские имена, но не доверяли их искренности. Крещеных мавров называли мараны, евреев – мориски. Духовенство относилось к ним с крайней подозрительностью.

Синьор Бартоломео привел Чекко и Ренцо в дом адмирала Кристобала Колона. Мессер адмирал встретил своих бывших слуг приветливо, почти как родных.

– Вы будете жить у меня в доме, а спать рядом с моим кабинетом. Мне понадобятся ваши услуги не только по хозяйству, но и как знающих дело картографов. – В ответ на глубокие уважительные поклоны юношей адмирал потрепал их по спинам и сказал брату Бартоломео:

– Укажи им, где расположиться.

Пищу готовила кухарка умершей жены мессера Колумбо. Были еще слуги. Но Ренцо и Чекко, как правило, вызывались сопровождать адмирала в его хлопотах по делам флотилии. Они оказались сообразительными, проворными и к тому же вполне сносно говорили по-испански. Мессер Колумбо очень удивился и тем более их хвалил.

Отплытие

Началось снаряжение каравелл для дальнего плавания.

Вооружение кораблей, снабжение их достаточным количеством припасов (овощи, лук, чеснок, сухари, вяленая рыба и солонина в бочках), как и жалование экипажу, обеспечила королева Изабелла из средств казначейства Кастилии. Пресную воду и вино решено было закупить на Азорских островах, откуда непосредственно и должен был начаться поход.

Сами корабли, по требованию королевы, предписывалось оплатить городу – порту Палосу. Тут возникли новые затруднения. Городское управление жаловалось на истощенность казны. И представители этого управления, не имея смелости отказать королеве, предлагали старые, давно заброшенные суда, совершенно непригодные для дальнего плавания. К тому же палосские моряки отказывались служить на кораблях, отправлявшихся в страшные, никому не известные пространства безбрежного океана.

Изабелла разгневалась, Король Фердинанд хитрил и делал вид, что к этим тратам и хлопотам не имеет ни малейшего отношения. Появились неизвестные люди, распространявшие ужасные слухи о неведомых течениях, ожидающих впереди беззащитные каравеллы. Течения эти якобы несли корабли по своей прихоти и вдруг неожиданно, в каком-то дьяволом приговоренном месте, уходили под воду, в океанские глубины, унося с собой корабли.

Другие слухи предвещали страшные бури с внезапно меняющимися ветрами, не указанными ни на одной карте. Такие свирепые штормы не могла выдержать ни единая, самая устойчивая и маневренная каравелла, хоть и с наилучшим снаряжением, крепчайшим корпусом, великолепными мачтами и превосходными парусами.

Наконец слухи о гигантских чудовищах, выплывающих откуда-то из глубин и могущих наброситься на несчастное судно, чтобы разгрызть его, как скорлупу от ореха, людей же проглотить похлеще самых огромных, виденных некоторыми моряками акул. Еще шептали на ухо о неизлечимых болезнях, превращающих человека в безобразное подобие жабы и несущих страдания и смерть, хуже всякой чумы или проказы. Словом, набрать команду с опытными капитанами и матросами становилось невозможным. Люди отказывались под разными предлогами, часто прикидываясь больными. Другие ссылались на священные обеты, данные в таком-то монастыре перед образом такого-то святого не покидать землю в течение двух, трех, а то и пяти лет.

Тогда вмешался после отчаянных просьб мессера Кристобалья Колона настоятель Палосского монастыря Хуан Перес, пользующийся огромным уважением в Палосе как у знатного сословия, так и у простонародья, ибо он считался пастырем высокого служения, праведности и справедливости. Перес вызвал к себе в монастырь известных мореходов братьев Пинсонов. Он имел с ними долгую, религиозно-возвышенную и вместе с тем практически-обнадеживающую беседу. К тому же он напомнил, что адмиралу Колону покровительствует не только королева Испании, но именно королева Кастилии, в чьем непосредственном владении находится город Палос.

После этой беседы три брата Пинсона, самые энергичные и смелые из палосских корабельщиков, решили вверить мессеру Кристобалью Колону свой корабль и даже принять личное участие в плавании. Свое решение братья Пинсоны подтвердили и осуществили. Они снарядили каравеллу, называемую «Нинья».

Один из них, Винченцо Пинсон, взял на себя управление «Ниньей» и сумел набрать вполне опытную команду. Тогда городские власти купили и снарядили судно «Санта-Мария», а агенты королевы Изабеллы – третий корабль, совсем небольшую «Пинту». Последним судном взялся командовать второй брат из Пинсонов Мартино Алонсо, помощником которого стал третий брат Франсиско Мартинес.

Командование «Санта-Марией» мессер Кристоаль Колон оставил за собой. Он взял в помощники племянника своей второй, недавно умершей жены, Диего де Арана.

Все три судна, которыми мессер Кристофоро Колумбо, он же Кристоаль Колон, располагал для своего фантастического и чрезвычайно опасного для того времени великого плаванья были малы, слабо вооружены и недостаточно экипированы.

Старые корабельщики и прочий портовый люд ходили смотреть, как снаряжают и наполняют провизией суда, предоставленные «адмиралу Колону» (так теперь официально назывался мессер Кристофоро Колумбо). Они качали головами, перемигивались и посвистывали, выражая таким образом свое крайнее неодобрение по поводу качества подготовленных к дальнему плаванью каравелл.

– По правде говоря, – толковали между собой жители Палоса, как прожженные моряки, а таковыми считали себя даже ремесленники и торговцы, – если уж не кривить душой, все три судна на самом-то деле представляют собой ничтожные, не годные ни на что суденышки.

Действительно, самое большое из них, «Санта-Мария», имело всего шестьдесят шесть человек экипажа. На «Пинте» было лишь тридцать человек, а на «Нинье» – только двадцать четыре. С этими суденышками и ста двадцатью членами их экипажей адмирал Колон отправлялся открывать новые пути к берегам Ципанго, Индии и Катая, для чего ему нужно было переплыть океан, который до него не преодолевал ни один корабль, ни один мореплаватель.

3 августа тысяча четыреста девяносто второго года от Рождества Христова «эскадра», состоящая из трех каравелл, после торжественного молебна (а провел службу сам настоятель главного палосского монастыря почтеннейший отец Хуан Перес) вышла из Палоса.

Большая толпа зевак, даже жители из других городов, приехавших в Палос к такому событию, не говоря о десятках родственников матросов и прочих членов экипажей, собрались на берегу.

Родственники, жены, дети и родители плакали, провожая своих молодцов и считая, что их отправляют в поход, из которого никто не вернется. Кое-кто из придворных, сопротивлявшихся решению отправить корабли через Западный океан, а также члены «хунты» – духовных лиц, тоже не соглашавшихся с королевой Изабеллой и высокопреподобным отцом Хуаном Пересом, нарочно явились к пристани в черных плащах с капюшонами, надвинутыми глубоко на лица, как бы подчеркивая гибельный, погребальный характер всего этого события.

Монархи при отплытии не присутствовали. Впрочем, говорили будто бы королева Изабелла приезжала и была на молебне, который отслужил ее духовник Хуан Перес. После чего она поспешно уехала, а король Фердинанд так и не появился.

Адмирал Кристоаль Колон стоял в соборе впереди всех, молился истово и проникновенно. Рядом находился его брат Бартоломео, племянник его умершей жены де Арана, капитаны брата Пинсоны и двое юношей – слуги адмирала Чекко и Ренцо. Они чувствовали себя счастливыми. Исполнилась их мечта, так же как и мечта их обожаемого мессера Кристофоро, которого они между собой попрежнему называли по-генуэзски.

Дня за два до отплытия произошел странный и неприятный случай.

К вечеру, на закате солнца, возвращаясь в свой дом и сопровождаемый, как обычно, слугами Ренцо и Чекко да младшим братом Бартоломео, адмирал услышал хриплый возглас:

– Эй, адмирал Колон! Я хочу продать вам карту!

Мессер Колумбо остановился, остановились и его спутники. Они увидели сидевшего на земле и прислонившегося к стене какой-то лачуги грязного нищего в лохмотьях. Нищий омерзительно ухмылялся беззубым ртом. Лицо его, покрытое багровыми пятнами и глубокими отвратительными морщинами, вызывало отталкивающее впечатление. И все-таки Колумбо не мог безучастно пройти мимо.

– Чекко, подойди к нему. Посмотри, что за карта, – сказал он.

Чекко взял из рук нищего, у которого вместо пальцев были чумазные обрубки, большую карту западного побережья Африки и Азорских островов. На изображенном пространстве океана были мастерски нарисованы голубой краской неизвестные морские течения и указаны стрелами направления ветров.

– Карта стоящая, но, кроме течений и ветров, на ней ничего не нарисовано, – произнес Чекко, внимательно рассматривая карту.

– Разуй глаза, тупоголовый дурак! Погляди, с краю, с западной стороны океана, видны очертания берега неизвестной страны. Но обозначены они пунктиром, потому что никто еще не побывал там и не сделал точный рисунок материка, – прохрипел нищий. – Не хотите – не берите, адмирал Колон. Я найду другого покупателя.

– Сколько ты хочешь за нее? – спросил мессер Коломбо.

– Я хочу три золотых, – ответил нищий.

Чекко показал карту патрону и покачал головой.

– Дайте мне один дублон, – попросил он адмирала шепотом. – Этот проходимец хочет вас надуть. Карта не стоит трех золотых монет.

Подойдя к нищему, Чекко бросил ему монету. Нищий жадно схватил ее и тут же завопил:

– Я же сказал: три золотых! Как ты смеешь обманывать меня, щенок!

– Ты сам понимаешь, что карта не стоит трех дублонов. Никто тебе не даст за нее и одного.

– Наклонись ко мне. Я скажу тебе кое-что по секрету, – приглушенно пробормотал нищий.

Чекко сделал еще шаг и наклонился к нему. Тогда этот смрадный урод набрал полный рот слюны и плюнул юноше в лицо.

– Ах, негодяй! – Чекко в бешенстве ударил нищего ногой.

– Ай-ай, – заскулил нищий, падая на землю. – Убивают старого капитана Гуасильо! Проклятые генуэзцы...

– Оставьте его, ваша милость, – обратился к адмиралу случайно проходивший горожанин. – Господь и так наказал его за бесчинства и преступления. Это прокаженный.

Мессер Коломбо встревожился.

– Сейчас же дома нагрей воды, умойся тщательно горячей водой. – сказал он Чекко. – И выпей крепкого испанского вина.

Уже на четвертый день по выходе из Палосской гавани маленькую флотилию адмирала Кристобаля Колона постигло несчастье. «Пинта» потеряла свой руль. По неизвестной причине он раскололся на мелкие куски. Сам адмирал, капитаны Пинсоны и опытный корабельный плотник обследовали его и выяснили, что руль нарочно был сделан из гнилой древесины, чтобы заставить мессера Коломбо вернуться назад.

Кое-как сделали некоторое подобие руля и продолжили путь с тем, чтобы сделать и заменить настоящий руль для «Пинты» на Канарских островах. Там эскадра должна была пристать, запастись водой и вином.

На другой день «Пинта» дала течь. В трюме захлюпала вода. С большим трудом добрались до Канарских островов. Адмирал рассчитывал обменять «Пинту» на какое-нибудь прочное судно. Но все усилия его были напрасны. Никто из местных судовладельцев не желал брать это ненадежное суденышко. Мессер Коломбо, посоветовавшись с Пинсонами и де Араной, вынужден был заставить матросов и плотника укрепить корпус на «Нинье», заменить руль и с таким все-таки ненадежным судном отправиться дальше в неизведанную даль океана.

Матросы на всех трех каравеллах восприняли происшествие с «Пинтой» как недоброе предзнаменование для будущего путешествия. В довершение этого неприятного происшествия на цветущем острове неожиданно пробудился Тенерифский вулкан.

С утра, когда каравеллы отчалили от берега, начало трясти землю и сам дымящийся пик вулкана.

– Господи, помилуй, Господи помилуй, – молились матросы, испуганно крестясь.

– Вот невезенье-то, – проговорил, стоя рядом с адмиралом, Диего де Арана. – Черт бы побрал этот проклятый вулкан. Нет, чтобы подождать, пока мы отплывем подальше.

Ренцо и Чекко глядели встревоженно, стоя у борта, обращенного к острову, и с изумлением наблюдали грозное зрелище.

Сначала повалил дым, как из огромной печной трубы. Потом раздался грохот, словно одновременно выстрелило несколько сот бомбард, сверкнуло что-то вроде ослепительной молнии. Огромные камни и туча пепла взлетели в ясное небо. Все невольно зажмурились. А когда снова открыли глаза, то увидели, как раскаленная багровая лава уже текла по склонам горы.

Стало жарко и душно, всякий ветерок стих.

– Как вблизи плавильной печи, – сказал Ренцо другу, вспомнив свое прежнее занятие у серебряных дел мастера Мадини.

Захотелось отвернуться от палящей жары и обратить лицо в сторону дальнего материка. Три судна медленно отплывали от Канарских островов.

– Вот уж не к добру, явно не к добру... – вздыхали матросы на «Санта-Марии». – Ничего хорошего не получится от этого плавания под управлением нашего безумного адмирала.

– Да что вы ноете, будто старые женщины, – неожиданно рассердился судовой священник, сам худощавый и жилистый, как матрос, отец Паоло. – Готовьтесь к работе, на которую вас поставили Их Величества и которую благословила святая церковь. А ну, кончайте хныкать, приступайте к делу...

– Тем более, – хладнокровно добавил помощник адмирала де Арана, – нам предстоит морской бой.

– Что такое? – взволнованно спросил адмирал, стоя на капитанском месте и поворачиваясь к последнему из Канарских островов.

– Кажется, португальский король Жуан послал свои военные суда, чтобы задержать нас, – так же невозмутимо произнес де Арана. – Это в лучшем случае, а в худшем...

– Поднять все паруса! – крикнул адмирал.

– Чего ж поднимать, когда ветра почти нет, – пожимали плечами матросы.

– Пойте Отче наш и выполняйте приказание его милости, мессера Кристобаля Колона! – поддержал сильный голос адмирала мужественно и смело патер.

– Верно, преподобный отец! – присоединился к возванию священника де Арана.

Матросы бросились тянуть канаты и поднимать паруса. Тем временем из-за последнего самого западного острова показалась флотилия португальского короля в составе трех больших военных судов.

И тут произошло нечто, от чего самые унылые, трусливые и недовольные заткнули рты. Ветерок, едва веющий с юга, прямо на глазах сменился и многократно усилился. Волны, до этого мгновения едва покачивающие каравеллы, закипели. Белая пена клочьями полетела с бушующих гребней. Паруса испанской флотилии наполнились силой ветра, и каравеллы устремились в даль океана.

У острова же волны настолько взбесились от начавшегося внезапного шторма, что срывали паруса с мачт португальских судов. Их погнало прямо на скалы ближайшего берега.

Адмирал считал себя счастливым, когда скрылся из виду последний остров Канарского архипелага, принадлежавшего Португалии. Но по мере того, как крепла уверенность в успехе возглавившего это предприятие мессера Коломбо, так же усиливалось со дня на день дурное настроение матросов. Где гарантия, что они не погибнут завтра же в этом неизведанном и бесконечном водном пространстве?

Вскоре после того, как скрылся последний из Канарских островов, матросы вдруг заметили обломки разбитого судна, носимого волнами вблизи флотилии. Что за судно погибло до того, как они оказались здесь? Страшная, необъяснимая загадка. Ведь португальцы никогда не предпринимали плавания в этом направлении. Откуда же взялись печальные обломки погибшего корабля?

Встреча с обломками неизвестного судна говорила экипажам всех трех кораблей лишь одно: «Если не хотите оказаться в таком же положении, поворачивайте назад!» Об этом тихо толковали между собой и матросы, и люди более высокого ранга.

Через несколько дней помощник старшего из братьев Пинсонов, ворвался в его каюту с бледным, искаженным от страха лицом.

– Что еще случилось? Чего ты так испугался? – удивился Винченцо Пинсон.

– Пойдите, капитан, поглядите на компас. С ним происходит что-то ужасное, – отвечал рулевой.

Пинсон поспешил к корабельному компасу и тоже нахмурился. Стрелка компаса по неизвестной причине вдруг стала сильно отклоняться к западу. Пинсон схватил рупор и принялся кричать об этом, обратив его в сторону «Санта-Марии». Благо каравеллы плыли на небольшом расстоянии друг от друга.

Через некоторое время адмирал разобрал то, о чем докладывал с «Ниньи» капитан Пинсон-старший. Он тотчас подошел к своему компасу и увидел то же самое явление.

– Я не знаю, от какой причины происходит это отклонение, – ответил Пинсону адмирал Колон. – Но мы продолжаем держать то направление, которое избрали с самого начала.

Находившийся неподалеку от адмирала юный Ренцо несмело приблизился к нему и сказал по-генуэзски:

– Прошу прощения, мессер Кристофоро, но мне показалось: такое отклонение возможно, потому что я вспомнил указания ветров и течений на карте прокаженного. Может быть, здесь так и должно быть?

– Молчи, мальчик, не говори об этом никому. И не упоминай о карте прокаженного нищего.

– Слушаюсь, мессер, не скажу никому ни слова.

Плавание

Ренцо стал замечать, что Чекко неохотно остается с ним наедине. А когда это случается, то держится по возможности за несколько шагов в стороне. Наконец Ренцо не выдержал.

– Ты на меня обижен? – спросил он старого приятеля. – Может быть, ты вспомнил, как я ударил тебя на площади, в Генуе?

– Не говори глупости. Я уж давно об этом забыл, тем более мы с тобой вместе учились у синьора Пьетро и вместе находились в услужении у мессера Кристофоро... Я всегда любил тебя по-братски. Рад был, что мы оба приняли участие в плавании под началом адмирала...

– Так что же произошло? Почему ты не желаешь со мной говорить? Даже больше предпочитаешь общаться с испанцами.

– Пойми меня, Ренцо. Я совсем не хочу тебя обидеть. Просто, мне кажется, я заболел. Чем? Я не знаю. Однако... помнишь того нищего с картой? Он ведь прокаженный.

– И ты думаешь, он тебя заразил? Но я ведь тоже держал в руках карту нищего. По приказанию мессера Коломбо, я срисовал для него копию с той карты. Я тоже, как и ты, могу заболеть. Мессер Кристофоро нарочно приказал мне тогда сделать копию, а карту сжечь. Затем посоветовал вымыть руки горячей водой и еще протереть их уксусом. Я так и сделал.

– Мессер Коломбо решил оградить себя от заразы. А риск заболевания переложил на тебя. Ну и на меня тоже... когда я расплачивался с нищим, брал у него карту да еще получил плевок в лицо от больного.

Ренцо был поражен. Значит, их благородный господин принес в жертву своим великим замыслам ничтожных по своему положению, прислуживавших ему юношей. Он не пожалел их. Ради исполнения своего предназначения, которое адмирал считает промыслом Божиим, он обрек на гибель его и Чекко, двух дурачков из простонародья. Ренцо невольно задрожал от негодования. На глазах его выступили слезы. Но что поделаешь? Не предстанешь ведь перед мессером Коломбо с тяжким обвинением, не назовешь его жестоким лицемером, обрекшим на гибель его и Чекко.

– У меня по всему телу выступили какие-то подозрительные пятна, – уныло произнес Чекко. – А у тебя нет ничего такого?

– Да вроде бы пока... нет.

– Тебе повезло, малыш. Ты, может быть, останешься цел. Прошу тебя об одном... Не проговорись обо всем этом кому-нибудь из испанцев. А то мы с тобой окажемся за бортом. И, конечно, не вздумай упрекать из-за карты прокаженного нашего великого адмирала. Он вряд ли хотел нам зла. Однако поставить под угрозу плавание через Западный океан ему, конечно, даже не пришло в голову. Пусть всё будет таким, каким предназначено судьбой. И все-таки не подходи ко мне близко, братец. Наберись терпения. Увидим, что будет со мной, с тобой, с адмиралом и со всеми нами.

Тем временем путешествие происходило довольно спокойно, без каких-либо страшных происшествий. Ничто не оправдывало постоянных опасений спутников адмирала Кристобала Колона.

Бурь не было, ветры дули умеренные. Воздух над океаном поражал кристальной чистотой и прозрачностью. Небо отблескивало в лучах солнца безоблачной синевой. И если днем не замечали ни облачка, то вечерами и ранним утром легкие облачка показывались на горизонте и окрашивались в пурпурный цвет.

Ночью наступала полная тишина в воздушном и водном океанах, как бы для того, чтобы люди на каравеллах ощутили полный покой. Такая противоположность ужасам, которые предрекали мореплавателям в Испании противники невиданного до той поры путешествия, должна была успокоить команды всех трех судов. Но их смущало то обстоятельство, что они все больше

отдалялись от родной страны в направлении, до них никем не освоенном. Страх невозвратности к оставленным берегам, где жили их близкие и родные, все больше овладевал матросами, возбуждая в них чувство болезненного волнения по любому поводу. Если дул ветер, они боялись быть унесенными слишком далеко; если же начинался штиль и океан превращался в неподвижную сверкающую поверхность, то они опасались безветренной неизменности, полной невозможности наполнить паруса движением воздуха и возвратиться назад.

Впрочем, однажды произошло такое происшествие на глазах всех трех экипажей, что они чувствовали себя устрешенными еще долгое время.

Как-то посреди дня внимательный и зоркий моряк Гутьерос пригляделся к чему-то непонятному шагах в пятидесяти от «Санта-Марии». Там недалеко от поверхности воды нечто неведомое судорожно двигалось, шипело и булькало, поднимая внезапно волну и пену. На зов Гутьероса к борту корабля сбежалась вся команда. Вышел из своей каюты адмирал с помощником де Араной и слугой Ренцо. Крикнули и на другие суда. На них тоже зашевелились, начали приглядываться к происходившему неподалеку от них.

Наконец стали различать большого кита (видимо, зубастого, хищного, наподобие кашалота) и гигантского спрута (может быть, осьминога или кальмара). Кит вцепился в туловище осьминога мощными челюстями, а чудовищный осьминог, обхватив огромными щупальцами его голову и присосавшись к ней, старался задушить врага либо всадить в него свой черный, крючковатый клюв. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Сцепившиеся гиганты океанских глубин то погружались одной омерзительно шевелящейся грудой, то вновь всплывали, продолжая сражение.

Вдруг кит собрал, наверно, оставшиеся силы и после очередного погружения высоко взметнулся из воды вместе с тушей извивающего щупальца осьминога. А затем они, так и не расцепившись, опять рухнули, подняв целый взрыв брызг, плеска и окровавленной пены, как будто в это место одновременно выстрелили десять бомбард.

Люди на каравеллах оцепенели от жуткого зрелища. Такое вряд ли видели даже самые опытные из них.

– Откуда здесь взялся кашалот? Они живут в холодных водах, – бормотал, недоуменно подняв брови, Гутьерос. – Мне случилось видеть зубастых китов, когда я плавал в молодости на одном английском судне севернее Шотландии.

– Страшилища-то... – говорили матросы, переглядываясь. – Прямо адские видения... Занесло нас на край света из-за причуд адмирала и королевы Исабель...

Но на этом зрелище не окончилось. Только что скрылись сражающиеся чудовища, как над поверхностью океана возникли треугольные спинные плавники двух огромных белых акул. Они явились издалека и неслись с поразительной скоростью, как фантастические подводные суда, узкие и стремительные, и мчались точно к тому месту, где происходила смертельная битва океанских гигантов.

– Эти акулы чуют кровь за несколько миль, – пояснил менее опытным матросам старый морской бродяга Гутьерос. – Пожалуй, они нагонят в глубине океана уставшего кита да израненного головоногого... и разорвут их в клочья своими ненасытными пастьми.

– Domine, Domine... – запел «Te Deum» («Тебе Бога хвалим...») судовой патер отец Паоло. Некоторые матросы подхватили священный католический гимн. Стоя на своем высоком месте, пел с ними и адмирал Кристоаль Колон, и помощник его, родственник покойной его жены де Арана, и юноша Ренцо, прислуживающий адмиралу земляк из Геновы Великолепной.

Время от времени замечались признаки, свидетельствующие, что в направлении, куда стремилась флотилия, действительно есть земля. Это несколько поддерживало экипажи всех трех каравелл, хотя всяческие разочарования делало этих малодушных людей еще более разочарованными и раздраженными.

Уже через восемь дней после того, как суда флотилии адмирала Колона покинули Канарские острова, все увидели птиц, которые, по свидетельству знающих моряков, не встречаются слишком далеко от берега. В этой встрече узнали признак близости земли, что ободрило всех.

Однако на другой день, к вечеру, когда стало уже темнеть, высоко в небе засиял голубоватым светом большой шар. Он летел сначала очень высоко, потом стал снижаться, отбрасывая отдаленный неестественный свет на побледневшие лица матросов. Большинство из них не знало, что этот электрический шар (в просторечии называемый «метеор») бывает замечен во многих местах Земли – над морем или над горной местностью. Такое падение огненного шара опять привело многих в ужас. Несмотря на объяснения более опытных людей, некоторые опять стали требовать возвращения домой.

Еще через несколько дней по поверхности океана поплыла масса зеленой травы, причем настолько свежей, что она казалась только недавно сорванной. Экипаж трех каравелл обрадовался, видя в указанных обстоятельствах несомненное доказательство близости земли.

Но когда это явление стало повторяться и в последующие дни, спутники адмирала снова заговорили: «Ну вот, травы сколько хочешь, ее все больше изо дня на день, а земля, которую мы ищем, не появляется. Значит, это все дьявольские ухищрения: чтобы заманить нас как можно дальше и погубить».

Эти признаки близости земли уже никого не радовали, а, наоборот, вызывали у людей мрачное настроение. Снова появились птицы, считающиеся прибрежными.

Все внимательно вглядывались в даль, в надежде увидеть землю и получить денежную премию в тридцать дублонов, назначенную королевой Изабеллой тому, кто первый увидит землю. Однажды общая уверенность в близости земли стала так велика, что моряки ждали ее с минуты на минуту.

На следующее утро после трехнедельного плавания на горизонте показалась земля. Матросы загалдели, закричали и стали спорить, почти схватываясь врукопашную, кто именно первый увидел землю. Впрочем, с восходом солнца эта долгожданная земля исчезла, так как оказалась просто длинным темно-золотистым, бесследно растворившимся облаком.

Травы в воде, вокруг каравелл, становилось все больше. Уже плавали, слившись в сплошной ковер, целые луга зеленой травы самых различных видов. Но земли, даже крошечного необитаемого островка, так и не появлялось.

Недовольство в командах «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты» росло и только уважение к адмиралу Колону и приказу королевы Изабеллы удерживало их от бунта. Тем не менее своих чувств испанцы не скрывали. «Довольно с нас и того, что мы зашли так далеко на запад. Сюда не добирался еще ни один мореплаватель. В случае, если мы не найдем ни Индию, ни островов с золотыми крышами на домах, ничего, кроме этих проклятых водорослей, мы не сможем рассчитывать хоть на какую-нибудь помощь со стороны. Мы все обречены смерти».

Матросы открыто роптали, рассуждая о том, что флотилия дошла до конца света, на границу, разделяющую океан от небесных пространств. Дальше, очевидно, плыть некуда, да еще на несколько дней опять установилось полное безветрие. Волны сгладились. Солнце палило нещадно. Корабли остановились посреди зеленых масс водорослей. Что же теперь делать? Наверное, уже нет возможности повернуть назад, к берегам Европы или хотя бы Африки.

Какой-то матрос крикнул адмиралу, вышедшему в эту минуту из своей каюты:

– Мессер Кристоаль Колон, долго нам вязнуть в зеленой каше? Что вы думаете делать? Или вы уже пообещали наши души дьяволу?

Адмирал нахмурился и, не ответив ни слова, скрылся в каюте. Он и правда не знал, какие действия нужно произвести для продолжения плавания, однако свято верил в конечный его успех. И эта неукротимая фанатичная вера словно побудила высшие силы вступить за опутанные водорослями, неподвижные корабли.

В то время когда недовольство матросов было уже близко к взрыву, поднялся сильный ветер. Он словно раздвинул поля зеленой травы и вынес каравеллы на чистую воду. Корабли с наполненными ветром парусами устремились к всё такому же далекому, недоступному горизонту.

Через два дня снова раздался вопль вахтенного матроса: «Земля!» – и опять это оказалось облако, рассеявшееся постепенно в солнечных лучах.

Мрачное отчаяние охватило людей. Озлобление матросов доходило до крайней степени. Авторитет адмирала пал. Даже напоминание о короле Фердинанде и королеве Изабелле, на которых он ссылался, желая успокоить команды каравелл, не помогало, так как они не имели теперь никакого значения в глазах отчаявшихся матросов.

Постепенно к ним присоединились и офицеры. Разумеется, моряки привыкли плавать по Средиземноморью, между Северной Африкой и Южной Европой, заходя через Мраморное море в Понт Евксинос к берегам Крыма. Выходили через Гибралтарский пролив (Геркулесовы столпы) в океан и плавали вдоль Франции, достигали Англии, ее крайних северных островов. Свободно чувствовали себя в Балтийском море, вдоль границ Дании, Германии, Швеции, Польши, прибалтийских Остдойче – орденских земель и, выйдя снова в Северное море, обигнали Скандинавию, утесистые мысы и фьорды Норвегии. Наконец к югу от освоенных португальцами Канарских, Азорских и прочих островов у западного побережья Африки, с трудом и страхом, но все-таки постепенно двигались на юг, имея по левую руку загадочный тропический материк с черным населением и бесчисленным многообразием животного мира. Уже близилось время, когда португальцы спустятся к самому югу Африки, обогнут крайнюю точку этой земли, поплывут вдоль нее к северу и будут среди опасностей, нападением черных дикарей и жестоких арабских шейхов искать пути в Индию.

А здесь! Совершенно безграничный ужас – без берегов континентов, даже без островов, населенных или необитаемых... Полная неизвестность, окончание всякого понятного людям мира.

Только океан, в кровавых тучах заходящее солнце, и опять такое же утро: без надежды на спасение, без каких-либо изменений в направлении судов, только железная воля этого непостижимого генуэзца...

Заговор против адмирала зрел. В него вошли не только невежественные матросы, но имеющие образование и чувство чести и долга офицеры, рассуждавшие о том, что Кристоаль Колон, будучи чужеземцем, рискует их жизнью, а также средствами, потраченными королевой.

– Этот человек все свои капризы в поисках невиданного пути в Индию и Ципанго, – говорил один из офицеров на «Нинье», по имени Нуньес Кабале, – осуществляет только для того, чтобы из нищего превратиться в богача, а из ничтожества – в важного господина.

– И потому, потворствуя авантюристу, – поддержал Нуньеса другой офицер, – должны погибнуть сто двадцать человек – благородных кастильцев и добрых христиан.

– Между тем мы прошли на запад от Канарских островов пятьсот восемьдесят льё (больше двух тысяч километров), – сообщил, стоя среди матросов, другой образованный офицер.

Матросы пришли в ужас. Некоторые побледнели, хватая себя за голову, пораженные невероятным расстоянием, равного которому не проплывало еще ни одно судно на свете.

Казалось, они сейчас бросятся в каюту адмирала, чтобы уничтожить столь безжалостного к ним, не слушающего никаких посторонних доводов человека. Глаза испанцев горели: да-да, его следует заковать в цепи и тотчас поворачивать назад. Никто не поставит им в вину такого поступка с безумным человеком, раз это требуется для общего спасения.

Поздним вечером к адмиралу, стоявшему в одиночестве, тихо приблизился Чекко. Не сокращая это приближение ближе чем на три-четыре шага, юноша прошептал по-генуэзски:

– Мессер Коломбо, посмотрите карту, которую скопировал Ренцо с карты нищего из Палоса. Там пунктиром обозначены самые близкие к краю карты острова. Против вас хотят объединиться не одни матросы, но также офицеры. С ними братья Пинсоны. Они хотят вас арестовать.

– Спасибо, Чекко, я это учту, – ответил адмирал и быстро направился в свою каюту. Войдя в каюту, адмирал увидел Ренцо.

– Покажи мне карту прокаженного нищего. Ты ее скопировал для меня.

– Я уже полчаса ищу ее среди ваших бумаг, но не могу найти.

– Куда же она делась?

– Не знаю, мессер, она исчезла. Вернее, ее подменили. Вместо моей четкой и аккуратной копии, появилось вот это...

Ренцо показал адмиралу карту, совершенно не соответствующую той, которую он срисовал для него. Здесь были намазаны довольно коряво нелепые рожи с раздутыми щеками и изображения ветров, дующих в разных направлениях и совершенно неверных. К тому же карту чем-то испачкали, а все надписи были неразборчивы.

Адмирал схватил Ренцо за руку и сжал ее с такой силой, что юноша застонал.

– Я знаю, против меня составили заговор. Не примкнул ли ты к заговорщикам, мальчик? – тяжело дыша от гнева, спросил адмирал.

– Вы сломаете мне руку, мессер, – взмолился Ренцо, – мне очень больно. И как вы могли подумать обо мне такое? Я всегда был вашим преданным почитателем и верным слугой. – Ренцо заплакал не столько от боли, сколько от обиды.

– Прости меня, дитя, – сказал адмирал. – Я не хотел причинить тебе зла. Я верю тебе. Видно, такова воля Господа, что все направления ветров и течений искажены. Наверно, Бог карает меня за гордыню.

– Мне думается, карту подменил Крот Гонсалес, – предположил Ренцо. – Я заметил, как он не раз вертелся подле вашей каюты.

– Что за Крот?

– Матросы прозвали этого наваррца так за маленькие подслеповатые глаза и острый нос. Надо бы потрясти Гонсалеса. Может, он сознается в своем преступлении?

– Никого не надо допрашивать. Всё в воле Господней, – задумчиво произнес мессер Коломбо. – Может ведь быть такое, что все течения и ветры на карте искажены или стерты по высшему велению. Ступай, мальчик, прости меня еще раз. Я вспомнил о своем сыне Диего. Мне жаль было бы, если кто-то в гневе причинит ему боль. Иди, Ренцо.

Итак, мессер адмирал Колон остался один против всех. Однако то невольное уважение, которое он внушал своим величественным видом, твердым взглядом и спокойным голосом, не позволило начать насильственные действия против него. Все-таки Алонсо Пинсон заявил адмиралу, что отправит свою каравеллу «Пинту» вместо запада на юг, что он (Пинсон) якобы уверен будто именно в этом направлении скорее встретится земля. На самом деле он хотел, пройдя для видимости некоторое расстояние к югу, повернуть назад и возвратиться в Европу.

Адмирал спокойно выслушал Пинсона и отказал ему в этом его намерении. Более того, он потребовал, чтобы капитаны двух судов каждую ночь переходили на борт адмиральского судна «Санта-Марии».

Тогда, возглавленные братьями Пинсонами, офицеры и матросы все-таки решились на открытый бунт. Все три каравеллы сцепились абордажными крючьями и почти поголовно оказались на «Санта-Марии». Офицеры были вооружены мечами, а матросы прихватили топоры и аркебузы, словно готовились к бою.

Уже совершенно не сдерживая себя, матросы кричали, размахивая оружием:

– Поворачивай назад! Мы не желаем погибать ради твоих прихотей! Нас послали в дальние страны за золотом, а не за смертью! Проклятый генуэзец!

Чекко спешно зарядил аркебузу и встал около двери адмиральской каюты. Он собирался выстрелить в первого, кто замахнется на мессера Коломбо. Он понимал, что его убьют, но в душе согласился с этим. Ренцо тоже приготовил наточенный толедский клинок адмирала. Он решил последовать за своим другом Чекко. А родственник покойной жены адмирала де Арана спустился от каюты на палубу и встал рядом с бунтовщиками.

Адмирал вышел одетый в праздничные одежды, но без оружия.

– Вас послали в нелегкий путь Их Величества, властелины Кастилии и Арагона, король Фердинанд и королева Изабелла. Я лично никого из вас не упрасивал отправиться со мной в плавание, которое состоялось с согласия и по приказу Их Величеств. Мы преодолели столько невзгод и проплыли огромное расстояние. Осталось уже немного, чтобы осуществить указание короля и королевы. Я поклялся перед распятием, что исполню свой долг до конца, чего бы мне это ни стоило. Я надеюсь увидеть в вас не малодушных бунтовщиков, а преданных подданных Их Величеств и исполняющих волю Божью правоверных христиан.

После чего адмирал Кристобаль Колон твердо заявил, что не изменит направление кораблей, и потребовал безусловного подчинения. Продолжительное напряжение обессилило бунтовщиков. Они опустили головы и уступили негибавшей воле адмирала.

Но... что же делать? Убить генуэзца и возвратиться в Испанию? Там их ждет кара за нарушение приказа монархов: может быть, даже казнь. Стать предателями и поступить на службу к королю Португалии Жоао Второму? Но он послал свои каравеллы, чтобы догнать их у Канарских островов и, следовательно, отправить в том же направлении только под португальским флагом. Тогда – превратиться в пиратов, грабить торговые суда? На это большинство матросов и все офицеры решиться не могли.

Моряки разошлись по своим местам, плавание продолжилось в прежнем направлении.

К счастью, свидетельства о близости земли стали настолько очевидны, что снова пробудили среди команд всех каравелл надежду на успех.

Проплывали мимо деревья с зелеными листьями. Выловили толстую палку, на которой были явно рукой человека вырезаны замысловатые узоры и головы людей с большими носами, со странными головными уборами.

Ночью сам адмирал со своего высокого командного места на «Санта-Мари» увидел светящуюся дрожащую точку. Без сомнения, это был огонь, зажженный человеком. Огонь горел около часа, потом погас.

На рассвете, в два часа утра, все люди находились на палубах трех судов. Адмирал был среди матросов. Он улыбался, клал руку им на плечо и говорил: «Ну вот сейчас, совсем скоро, вы увидите землю...» – «Ах, ваша милость, только бы не обмануться...» – вздыхали матросы. Они боялись пристально смотреть вдаль. «Да уж, если и сегодня не увидим землю, то...» – начал де Арана.

– Земля! – закричал отчаянно матрос с «Пинты», сидевший в смотровой корзине на мачте. И тотчас раздался выстрел из пушки. Матросы и офицеры всех трех каравелл упали на колени. Адмирал Кристобаль Колон, обессиленный напряженным ожиданием счастливого часа, продолжал стоять, выпрямившись и высоко вскинув голову, он был бледен. К нему бросился Ренцо.

– Мессер Коломбо, – говорил он своему господину на родном языке, – вот и доплыли... Слава Богу, мессер Кристофоро, счастье-то какое... Эх, жаль, Чекко болен.

– Индия, – говорил адмирал своему помощнику де Аране. – Это один из островов у побережья Индии... Скоро мы увидим индейцев...

Острова и туземцы

Утром 12 октября 1492 года флотилия бросила якоря возле берега, замеченного в прошедшую ночь. Было понятно, что это небольшой остров, покрытый такой роскошной, пышной, раскидистой растительностью, что большинство мореплавателей не представляли себе столь необычайного природного богатства. Среди перистых, широколиственных и прочих деревьев, переплетенных цветущими лианами, мелькали птицы с перьями самых ярких и разнообразных расцветок, споривших множеством красок с такими же пленительно разноцветными бабочками.

На фоне столь поразительного для европейцев островного леса отсвечивали, словно бронзовые статуэтки, совершенно обнаженные, красновато-смуглые тела вышедших навстречу туземцев. Они оказались более голыми, чем гвинейские негры из португальских колоний в Африке. У тех хотя бы имелись набедренные повязки.

Индейцы, вышедшие сначала к самой воде, тоже были поражены, впервые видя огромные, с их точки зрения, сооружения, какими представлялись им небольшие парусные корабли.

Адмирал Колон и его спутники сели в лодки. Они медленно, с некой невольной торжественностью, плыли к берегу. Все стоявшие на берегу туземцы, ошеломленные внешностью белых, одетых и вооруженных людей, тотчас скрылись в лесу, занимавшему большую часть острова.

Как только лодки подплыли, первым ступил на берег адмирал Кристобаль Колон. Лишь затем вышли остальные. Поднявшись на небольшое всхолмление, чуть дальше от кромки пеннестого побережья, со шпагой в левой и с королевским знаменем в правой руке адмирал оглянулся на людей из трех экипажей. Судовой священник поднял над головой распятие. Все опустились на колени и запели благодарственную молитву. После чего адмирал объявил о присоединении вновь открытой земли к владениям Кастильской короны.

Тут уж все спутники адмирала Колона безоговорочно признали его «генерал-губернатором Нового Света» и «Великим адмиралом океана» – таковы были официальные титулы водителя флотилии, присоединившего к Испании безвестный остров. Он означен был как «Сан-Сальвадор» в соответствии с именем святого, выпавшего на этот день.

В глазах офицеров и матросов Кристобаль Колон (Кристофоро Колумбо) уже не был чужеземцем и авантюристом, заманившим их в опасный, безрезультатный поход. Теперь он стал великим человеком, представителем королевской власти. Они смотрели на него с благоговением, умоляли его забыть их вину и простить позволивших себе неповиновение и грубость. Адмирал только улыбался, милостиво кивая недавним бунтовщикам. Матросы целовали ему руки и полы его одежды. Офицеры восторженно клялись ревностно служить и безусловно повиноваться ему.

Разбежавшиеся при высадке моряков на берег индейцы с любопытством смотрели из леса на обряд присоединения их острова к Испании, слушали пение молитвы, возгласы и восхваления на непонятном им языке.

Мало-помалу большинство индейцев (особенно подростки) стали приближаться к приплывшим на кораблях странным людям. Видя, что им не причиняют никакого вреда, они осмелели, удивляясь, как дети. Стали дотрагиваться до них, щупая одежду, бороды, головные уборы и оружие.

Подшли и более взрослые мужчины и женщины, но в основном молодежь. Во всяком случае, первые дни не обнаруживалось никого из индейцев (мужчин или женщин) с сединой в волосах и прочими признаками старения.

Все эти создания обладали стройными, гармонично развитыми телами и кожей красновато-бронзового оттенка. У всех были приятные черты лица с большими при некоторой рас-

косости красивыми глазами угольно-черного цвета, такими же черными, густыми и гладкими волосами. По всей видимости, они совершенно не знали чувства стыда. Индейцы были голые, но с украшениями в виде медальонов – больших перламутровых раковин. Некоторые носили браслеты, сплетенные из пестрых шкурок пресмыкающихся или тоже вырезанные из раковин.

Особенное внимание они уделяли прическам, которые, подхваченные ремешками и тонкими подобиями веревочек, представляли разного вида пучки, из которых торчали яркие перья птиц, какие-то цветы, кусочки темноватого металла различной формы, а у некоторых – настоящие, крупные, сияющие на солнце жемчужины – белые, голубоватые, розовые.

У испанцев округлились глаза. Эти жемчужины на родине стоили бы бесспорно немалые деньги. Кроме того, многие офицеры и матросы с трудом подавляли вожделение, когда к ним подходили близко милостивые, стройные, грациозные (и совершенно обнаженные) девушки. Некоторые испанцы начинали гладить их, класть руки на талию и бедра прелестных туземок. Еще немного и...

Однако адмирал заметил это начало вакханалии и неминуемых ссор, ведущих к дракам и убийствам. Тотчас мессер Кристобаль Колон призвал своих подчиненных взять себя в руки, прекратить разжигание в себе губительного соблазна, ведущего к срыву продолжения важных государственных дел. Тех, кто не может побороть в себе (понятный в общем-то) огонь любопытства, он предложил вернуться на корабли, пока близкие знакомства с женщинами постепенно станут возможны без насилия и ссор.

Его назидание было признано экипажами справедливым. Несколько испанцев удалились на корабли. Другие, вздыхая, продолжали общение с туземцами, отводя глаза от соблазнительных островитянок.

Надо прямо признать, впоследствии было выяснено, что местные красавицы отнюдь не следуют благочестию и монастырским нравам. Так что, при ловкости и осторожности, можно все-таки добиться взаимного согласия, не вызывая к тому же негодования мужского населения острова. Чем некоторые наиболее хитрые испанские молодцы и воспользовались. Оказалось, что ревность так же незнакома островитянам, как и чувство стыда.

И все-таки адмирал еще и еще раз призвал своих подчиненных к вежливости и осторожности. Тем более, ни в коем случае не обижая этих наивных и беззащитных детей новой земли.

Скоро между туземцами и испанцами завязались самые дружеские отношения. Ребятишки угощали приплывших на кораблях какими-то неизвестными плодами, напоминавшими по форме огромные сосновые шишки¹⁰, но внутри оказавшиеся сочными, вкусными и ароматными, напоминая отдаленно самые спелые и сладкие дыни. Приносили и другие серповидные плоды желтого цвета, у которых под кожурой была вкусная и сытная мякоть. В изящно плетенных корзинах предлагались еще какие-то ягоды, похожие на виноград, а также рыба и мясо (по-видимому, черепашьё) поджаренное и зажаренное на костре.

Взамен съестных припасов туземцы (которых как-то незаметно стали называть индейцами), получали от щедрых белых людей разные блестящие безделушки – стеклянные бусы, медные колокольчики и бубенчики, какую-то ярмарочную мишуру и лоскуты ярких дешевых тканей.

Ренцо и молодой матрос Санчес особенно успешно общались с туземцем примерно своих лет, которого звали, как стало понятно после некоторых усилий, Аотако. Индеец оказался очень толковый и довольно быстро стал запоминать имена новых приятелей: Энсо и Сантес. Запоминал он и некоторые понятия по-испански, а его белые собратья тоже пытались усвоить названия некоторых предметов и вещей – таких, как рука, голова, дерево, девушка, рыба, колокольчик и прочие – на языке индейцев.

---

¹⁰ Ананасы.

Конечно, помогали друг другу при помощи жестов, мимики, даже при помощи рисунков на песке.

Наиболее хитрые испанцы легко выманивали у наивных дикарей драгоценные жемчужины, а те с удовольствием отдавали их в обмен на какие-нибудь побрякушки. Однажды Санчес, стоя рядом с Ренцо и Аотако, почистил песком из мелкого ручейка свой нательный серебряный крестик. То же сделал и Ренцо со своим крестиком.

Тогда Аотако вынул из головных украшений полукруглую пластинку темного металла и почистил ее песком. Каково было изумление молодых мореходов, когда темная пластинка Аотако засияла на солнце, как полновесный дублон.

У Санчеса сверкнули глаза, Ренцо разинул рот.

– Золото! – сразу осипшим голосом произнес Санчес.

Он предложил Аотако поменять золотую пластинку на стеклянную плошку для масляного светильника. Тот с восторгом согласился.

Этот случай стал известен всем и слух о золоте мгновенно облетел весь берег. Испанцы начали приглядываться к вещицам и кусочкам темноватого металла, которые имели некоторые туземцы. Они предлагали обмен на любую чепуху из Европы и становились обладателями значительных частиц драгоценного металла.

Происшедшее с Аотако и другими индейцами дало испанцам преувеличенное понятие о богатствах открытого острова и распалило их жадность.

Когда они настолько освоились с туземцами, что более-менее свободно могли объясняться с ними, то узнали: золото здесь получают с большого острова, лежащего на юге, неподалеку, где оно находится в изобилии и не особенно ценится местными жителями.

Об этом тотчас доложили адмиралу Колону. Мессер Колон, конечно, подумал, что это таинственная островная страна Ципанго, богатства которой так заманчиво описал в книге о своих путешествиях венецианец Марко Поло.

Туземцы объявили, что с юга же приходят на больших лодках страшные враги, уводящие отсюда пленных и, говорят, поедающие их. Это тоже напомнило адмиралу рассказы Марко Поло о нравах и обычаях обитателей востока Азии. Там, на восход солнца от империи Катай, лежат острова, на которых процветают жестокость и людоедство. Это еще больше укрепило уверенность мессера Колона, что он достиг богатых стран Азии, описанных знаменитым путешественником.

Адмирал решил идти к югу, чтобы отыскать ту богатую золотом и прочими драгоценностями страну, о которой говорили туземцы. Он взял в качестве переводчиков и проводников семерых островитян, в их числе Аотако. Индейцы охотно отправились с чужеземцами, представлявшимися им сынами неба, настоящими богами.

Удалившись от острова Сан-Сальвадор, Кристобаль Колон заметил на горизонте множество мелких островков. Это еще более укрепило его в мысли, что перед ним восточный край Азии, ибо его самым достоверным указчиком того, что так и должно быть, являлся все тот же Марко Поло. К некоторым островам, наиболее крупным, адмирал приказывал пристать.

Туземцы везде встречали пришельцев из неведомых стран самым радушным образом, с благоговением и почетом. На расспросы о стране, богатой золотом, они так же, как сан-сальвадорцы, протягивали руки на юг. Там, объясняли они испанцам, находится весьма большой остров, целая страна, и называется она Куба.

Итак, следуя всем этим мнениям островитян, три каравеллы продолжали плыть к югу, пока действительно не увидели большую землю с удобной гаванью, полной местных легоньких лодок, в которых умело управлялись короткими веслами, похожими на лопаты, рыбаки с плетеными из лиан сетями или воины, державшие в руках тонкие копья с наконечниками из кости.

– О, да эти туземцы гораздо пригляднее живут, чем наши прежние знакомые, – посмеиваясь, говорили между собой испанцы. – Они даже прикрывают срам лоскутком или передником. Некоторые носят на головах корзины с фруктами, совсем как наши кастильские деревенские торговки на рынке. Здешние-то красотики имеют юбку до колен, накидывают на голову что-то вроде мантильи (шаль, покрывало в Испании).

– Хижины у них вообще не хуже, чем у наших пастухов, ночующих в горах Сьера-Невады. В хижинах кое-какая мебель, так сказать, – острил язвительный обычно Крот Гонсалес. – Гляди-ка, скамеечки, столики с глиняными горшками. Циновки на полу постелены. А спят-то в плетеных постелях, привязанных к столбам посреди жилья. Знай, качайся себе туда-сюда... И спать, верно, некогда. К чему бы это?

– Я думаю, – серьезно высказался опытный пожилой матрос, бывавший в разных далеких странах, – это чтобы ночью не подползла да не укусила ядовитая змея, вот к чему это.

– Что ж неглупо, – решили между собой матросы.

– Надо бы побывать в глубине этого большого острова, – заявил молодой матрос Санчес. – Порыскать, как следует, насчет золота.

– Я слышал, у них в глубине леса большой город, а в нем живет главный вождь. Вот уж где, наверно, богатства, – зашмыгал острым носом Крот Гонсалес.

Адмирал Колон послал отряд матросов с аркебузами и пиками, чтобы предстать перел индейским вождем во всем могуществе испанской короны. Возглавил отряд его родственник де Арана.

Однако, найдя «столицу», испанцы были разочарованы. Огромный, по понятиям туземцев, город был просто большой деревней, такой же бедной и жалкой, как виденные мореплавателями на других островах. В середине деревни стояла большая (опять же в сравнении с прочими лачугами) хижина с двумя переходами в соседние помещения. А главный вождь острова Кубы тоже выглядел довольно убого – полуголый, старый и бестолковый.

Единственная новость, принесенная отрядом, вернувшимся из «столицы», состояла в странных занятиях некоторых жителей, нередко державших в руках коричневые трубочки из свернутых листьев. Эти трубочки поджигали с одного конца, а с другого втягивали ртом дым, который затем выдыхали. На вопрос «зачем они это делают?» туземцы отвечали: они отгоняют злых духов леса и укрепляют свое здоровье.

Все-таки после долгих расспросов испанцы выяснили у кубинских туземцев наличие значительного количества золота неподалеку, в некоей стране Бабек. Впрочем, приятель Ренцо сообразительный Аотако добился у кого-то из местных (он понимал их лучше приплывших «сынов неба»), что посыл жажущих золота в страну Бабек неправильный. Аотако заявил: «Бабек плохо. Да, там есть золото. Но его мало. Вон как у той девушки с золотым колечком в носу. По-настоящему много золота... уэх! уэх! (Он взмахнул обеими руками, словно сгребал нечто сыпучее.) Много золота на острове Богио. Плыть целый день. И увидите большую-пре-большую (он опять махал руками) страну с горами».

Ренцо и Санчес пошли к адмиралу и доложили о настоящем золотом рае. Адмирал Колон тотчас отдал приказ всем трем каравеллам плыть к югу.

Когда же суда испанцев отвалили от Кубы и направились на поиски Бабека или Богио, еще один из проводников с Сан-Сальвадора, коверкая слова по-испански: «золото», «плыть» и «очень много», помотал головой, ткнул пальцем в Аотако и твердо объявил:

– Нет Богио. Мало золото. Много золото... страна Каритаба.

Тогда Аотако подошел к своему собрату, тоже молодому индейцу. И дал ему крепкую затрещину. После чего меднокожие юноши поссорились. Испанцы едва их растащили.

– У... язычники безмозглые! – хмуро сказал пожилой матрос, некогда побывавший севернее Англии. – Еще раз будете путать, выброшу за борт акулам на ужин.

Адмирал Колон решил продолжать поиски таинственной страны.

Корабли побывали еще на нескольких островах и скоро приблизились к большому острову, признанному туземцами за Бабек. Он уже собрался отдать приказ пришвартоваться к довольно высокому гористому берегу, как ветер с юга усилился. Океан заревел, пена на гребнях волн закипела – плыть на юг стало невозможно. Пришлось возвращаться в удобную бухту Кубы.

Но когда флотилия приблизилась к ней, каравелла «Пинта», которой командовал старший брат палосских мореходов, капитан Алонсо Пинсон, неожиданно повернул назад и скоро скрылся из вида.

Побег капитана Пинсона

Когда каравеллы «Санта-Мария» и «Нинья» по приказанию адмирала повернули в сторону Кубы, «Пинта» постепенно отделилась от них и растаяла в наступившей тьме тропической ночи.

Некоторые матросы на «Пинте» встревожились, не могли понять: что происходит? Почему они остались одни на краю океана? Однако большинство было предупреждено помощником капитана Пинсона, расторопным и преданным своему хозяину Санчо Родригесом.

– Мы не станем тащиться за генуэзцем и подбирать крохи от его добычи, – сказал Родригес. – Мы сами найдем места, где можно будет приобрести золото. С нами толковый индеец Нетамури и еще двое. Индейцы эти чуть-чуть научились мекать по-нашему. Конечно, уши ломит, когда они стараются объясниться с сеньёром Пинсоном, а все-таки хоть что-то понятно.

Сам Алонсо Пинсон только усмехался, когда, вытаращив глаза и шевеля растопыренными пальцами, Нетамури указывал, что сначала следует плыть на юг, а потом снова на запад... и тогда возникает земля, называемая Бабек. Вот уж где полно этого темного вещества, которое, если почистить его, блестит на солнце, хотя от него нет больше никакого толка.

В таком примерно смысле выступал запомнивший несколько испанских слов Нетамури.

– Ладно, Санчо, готовь со своими молодцами всякие бубенцы и стеклянные бусы для обмена с дикарями. – Пинсон был в хорошем настроении, несмотря на побег из флотилии адмирала Колона. А что, собственно, ему стыдиться?! «Пинта» законная собственность семьи Пинсонов. Правда, помочь генуэзцу попросила сама королева Изабелла и настоятель палосского монастыря, досточтимый Перес... Однако личная выгода и возможная будущая удача заставили Пинсона решиться на устройство собственного предприятия в этом плавании. К тому же он оставил в распоряжении адмирала двух своих братьев, опытных мореходов, которые будут честно служить королеве и ее избраннику настойчивому генуэзцу. Надо сказать, негодования адмирала Пинсон не боялся, да и королева в общем довольно снисходительна к brave водителям каравелл. Особенно, если они приволокут ей сундук, полный золотых слитков.

Правда, с королем Фердинандом следует быть осторожным. Как говорят, монарх Арагона человек мстительный и жадный, а своевольства от подданных вообще терпеть не станет. Вот пусть он и разбирается с авантюристом из разбойничьей Генуи, если тот не оправдает его надежд в расчете на обогащение. И все же, хоть король и королева обвенчаны и совместно правят Испанией, но все-таки каждый прежде всего монарх и хозяин у себя: Изабелла – в Кастилии, Фердинанд – в засушливом Арагоне. Но свой флаг король повсюду выставляет впереди и приказывает изображать на нем стоящего на задних лапах кургузого, ощеренного льва. Потому, мол, и наследственное владение он стремится обозначить не только как Арагон, но и также Леон (лев).

Поутру после побега от адмирала Пинсон, выйдя на палубу, увидел, что волны несут его «Пинту» резво и плавно в благоприятном направлении. И ветер был хорош, умеренно крепок и постоянен. Каравелла плыла, чуть вскидывая корпус на гребнях волн, и паруса её слегка гудели от приятного напора воздушных потоков.

К концу дня вахтенный матрос крикнул «земля». Показался остров, не отличавшийся от открытых адмиралом Колоном. Роскошная растительность, яркие птицы в темной листве леса, жалкие хижины почти голых островитян, стройные девушки с распущенными волосами, причем некоторые детали их украшений явно сделаны из золотых пластинок, змеек, кружков, которые обнаженные красавицы без всякого принуждения обменяли на стекляшки, колокольчики, куски ткани и мишуру, которой в Испании украшают храмы, таверны, лавки и собственные дома по случаю какого-либо церковного праздника.

Справедливости ради, можно было убедиться и в том, что меднокожие жительницы острова так же сговорчивы при близком общении с бледнолицыми бородатými мужчинами, как и во время обмена товарами, вызывавшими у них восхищение. Словом, испанцы с удалившейся «Пинты» были чрезвычайно довольны сложившимися обстоятельствами. Как всё хорошо! Много вкусных плодов, много рыбы из прибрежных вод острова, весьма доступные красивые девушки и на удивление неревнивые островитяне другого пола... То есть просто рай, кроме одного, но самого главного. Золота у туземцев оказалось совсем немного. Они обменяли на бубенчики все имевшиеся у них украшения из этого столь желанного для матросов Пинсона и для него самого металла.

– Бабек? Это Бабек? Узнай, как следует... – шпыняли испанцы «своего» индейца Нетамури и двух его приятелей. Нетамури объяснялся с местными, долго с ними спорил и заявил совершенно определенно:

– Нет, это не Бабек. Бабек там... – он махнул в сторону юго-запада. – Надо туда... Там Бабек и много-много вот этого... – Он с трудом вспоминал, как будет «золото» на языке бледнолицых.

Алонсо Пинсон без задержки приказал направить «Нинью» в указанном направлении. Они отплыли под радушные выкрики туземцев, довольных приобретением редких вещей, обмененных у испанцев, под ласковый щебет своих случайных подружек и устремились по пенистой поверхности приветливых волн.

– Уж нужно было бы протрясти как следует этих дуруломов, – бурчали самые жадные. – Не припрятано ли у них все-таки золотишко? Прижечь их раскаленным лезвием ножа...

– Еще раз услышу про такое средство дознания, – предостерег особых сквалыг капитан Пинсон, – оставлю на безлюдном острове. Чтоб не было таких разговоров о бедных дикарях. Только лаской и мирным обменом можно уговорить их показать, где в этих местах находятся золотоносные залежи. Жестокостью и грубостью только распугаете этих детей, не имеющих даже одежды. Я уверен: в отношении золота туземцы были честны. Всё золото, имевшееся у них, дурачки обменяли на нашу ничего не стоящую чепуху.

Пинсон в отношении индейцев был такого же мнения, как и адмирал Кристоаль Колон, который требовал доброты и честности в общении с островитянами. Кстати, Пинсон с лукавым видом напомнил об этом матросам, которые весело заржали, особенно при нажиме в речи Пинсона на слове «честность».

Еще несколько островов обследовали беглецы с каравеллы «Пинта», кое-где успешно поменялись с наивными островитянами, немного золота как-никак все же положили в самом укромном месте.

Погода временами портилась; иной раз океан начинал бурно вскипать и заявлять о себе свирепым завыванием ветра. Испанцы становились угрюмыми, старательно тянули канаты, следили за наклоном парусов, безоговорочно выполняли приказания капитана Пинсона, ибо знали: нерадивые и неопытные мореходы при штормящих водах могут вполне закончить здесь свою жизнь, оказавшись вместе с судном на дне неведомого океана.

Как только ветер стихал и менялся, беглецы из флотилии адмирала Колона плыли на юго-запад, пока не миновали еще несколько островов, где все было по-прежнему. Наконец в одном месте, вблизи простершегося вдаль гористого рельефа, судьба удивила испанцев поразительным зрелищем. В каком-то заливе, куда через скалы низвергалась полноводная речка и где сквозь чистые глубины всё было видно, как на ладони, матросы узрели, как с самого дна всплывают, поднимаясь к поверхности тихой бухты, невероятные существа. Явно сказочные подводные обитатели женского пола. Насколько испанцы могли понять, у них были круглые лица, большие глаза, широкие бедра, переходившие в русалочьи хвосты, короткие руки и пышные белые налитые женские груди.

– Глядите-ка, сеньёр капитан, – обратился к Пинсону Родригес, – да это настоящие подводные бабы. Ух, до чего ж грудасты, прямо оторопь берет...

Матросы вытаращили глаза и поразевали рты: такого они и представить себе не могли.

– Кто же это? – размышлял вслух Пинсон. – С ума спятить можно...

– Насколько я могу припомнить, – улыбаясь, произнес молодой судовой врач Санчес, получивший образование в знаменитом университете города Саламанки и знавший неплохо латынь, да и вообще, кажется, человек начитанный, – когда мне приходилось разбирать книги про древних греков, где-то там написано про языческого бога Нептуна и разных других... Например, Тритоны – парни с рыбьими хвостами, а так же дочери подводного старца, которых вроде бы называли Нереиды. Нет-нет, стойте... были еще, по-моему, и Океаниды. Жили они, ясное дело, на дне моря... А тут-то океан... Я, конечно, понимаю: всё это сказки для простаков. А вот вам и...

– Значит, перед нами Океаниды, – перебил врача Пинсон.

– Чего же нам делать с ними? – спросил у начальства Родригес. – Сеть, что ли, под них опустить? Выловить этих... как там... Океанид и затащить их к нам на «Пинту»...

– Ха-ха! – развеселились матросы. – Вот уж позабудемся! Давайте несите сеть... Где-то должна же быть сеть для рыбной ловли...

Внезапно завопил индеец Нетамури, увидев грудастых подводных баб с хвостами:

– Скорей готовьте палки, плюющие огнем! (Так индейцы называли наводившие на них ужас аркебузы.)

Дальше индеец ничего не мог сказать, потому что у него не хватало испанских слов. Однако через некоторое время, глядя на жесты Нетамури и двух его собратьев, Пинсон уяснил, что странные женоподобные существа являются для краснокожих объектом охоты.

– Вроде бы Нетамури хочет сказать: у этих с грудями и хвостами... очень вкусное мясо.

У одного из индейцев появился в руках лук. Он старательно наложил стрелу, натянул и спустил тетиву. Но стрела до подводных баб не достала. «Океаниды», видимо, встревожились из-за вида парусного судна и его шумных, суесящихся обитателей. Они неожиданно изменили свое движение через бухту. Всплыв неподалеку от «Пинты», показав на несколько мгновений круглые лица, подводные жительницы погрузились глубоко под воду и, повиливая хвостом, двинулись куда-то в тень от прибрежных скал... после чего стали видны их круглые тела, ускользающие в подводную расщелину.

– Ну, теперь их не достанешь, – разочарованно толковали матросы. – Жаль, уплыла такая забава.

А индейцы явно сетовали на то обстоятельство, что из-за промедления стала недоступной очень хорошая еда. Нетамури вздыхал, тряс головой, поглаживал себя по животу, а потом горестно разводил руками.

Один из матросов, побывавший когда-то на торговой каравелле далеко к северу от Испании – дальше Англии и даже датских земель, – высказал предположение: увиденные здесь странные подводные существа могут оказаться разновидностью тюленей. Ластоногие животные иногда напоминают издали плавающих в море людей¹¹.

Время шло, «Пинта» пристала в удобном месте к невысокому прибрежному кособогу. Пинсон вызвал Родригеса, двух старших матросов и кого-то еще из бывалых морских бродяг. Разговор пошел, конечно, о золоте.

– Давай, Санчо, – обратился к Родригесу капитан, – подбери себе десяток людей из команды для похода в глубину этих мест. Сдается мне, судя по всему, что земля здесь распространяется на много миль вправо, влево и вдаль, прямо на запад. Либо перед нами очень

---

¹¹ Вполне возможно, похожие на грудастых женщин подводные существа были ламантины – тюлени, называемые в старину «морские коровы».

большой остров, либо неизвестный материк, который вообще-то надо бы исследовать и освоить. Но нам сейчас не до того. Нам следует пройти возможно дальше от берега и постараться определить: есть ли здесь золото? Если есть, постараться его добыть, обменять или приобрести другим способом, и тут уж без всякой жалости к населению, без кривляний, сомнений и всего такого прочего... Понял?

– Как не понять, сеньёр, – пожал плечами Родригес. – Захватим с собой три аркебузы да три арбалета на всякий случай. Ну, там еще тесаки, топоры... походной еды недели на две...

– Даже воды взять надо, – встрял старший матрос Рамиро. – Мало ли... а вдруг впереди нас ждет засуха... Наплачешься тогда без воды.

– Берите, что вам надо, и отправляйтесь, – нахмурился вдруг Пинсон. – Если вы найдете приличное количество золота, тогда мне плевать будет на адмирала Колона. Мне не страшны тогда будут ни гнев короля Фердинанда, ни упреки королевы. Мне все простят, если я раздобуду золото.

На следующий день десять человек из двадцати четырех членов команды Пинсона во главе с Родригесом покинули каравеллу. Пошли за золотом также врач Санчес и индеец Нетамури. Двое других туземцев остались с Пинсоном.

– Мы будем здесь вас дожидаться, – сказал капитан. – А если заштормит, постараемся маневрировать где-нибудь поблизости.

Отряд под началом Родригеса направился прямо на запад в глубь неизвестной страны. Вокруг была каменистая, открытая местность с отдельными кущами деревьев. Пройдя около двадцати миль, испанцы увидели густой лес, неожиданно начинавшийся после каменистого пространства. На краю леса находилась уже обычная для испанских мореходов индейская деревня.

Туземцы встретили отряд Родригеса с большим удивлением, но без страха. Нетамури начал переводить вопросы Родригеса и ответы вождя этого поселения. Язык островитян отличался от их наречия. Нетамури сердился, пытаясь наладить переговоры между начальником испанского отряда и старым сухопарым индейцем в плетённом из травянистых волокон переднике. На голове старика был некий странный тюрбан. Торчали приколотые к ремешку яркие перья невиданных птиц, вкрапленные каким-то затейливым способом блестящие камешки и большая круглая, золотая бляха на лбу украшали головной убор.

Вождь держался с большим достоинством. Родригес постарался улыбаться и приветливо кивать на все ответы седовласого индейского старейшины.

– Плохие люди, плохо говорят, – жаловался Родригесу Нетамури. – Совсем мало понятно... А он (Нетамури показал на старика) называется Чадапако. Он приглашает бледнолицых на еду. – Что такое? – не сразу сообразил Родригес, озабоченный тем, как бы поменять принесенные испанцами стеклянные бусы и куски красной шерстяной ткани на бляху в головном уборе вождя.

– Он положит перед бледнолицыми еду и питье. – Нетамури всякими уморительными гримасами старался изобразить сколь вкусные вещи можно отведать на пиру, который решил устроить седовласый вождь.

Индейцы расставили рядом с хижинкой вождя низкие чурбаки и покрыли их гладкими досками, соорудив таким образом нечто вроде столов. Тут же постелили циновки для гостей и наиболее почетных индейцев. На столы принесли, как обычно, множество уже известных испанцам фруктов. Некоторые фрукты, плоды и злаки, сваренные в глиняных горшках, они пробовали впервые. Впервые ели поджаренное на костре мясо, напоминающее крольчатину и какое-то другое – неизвестного европейцам животного, но чрезвычайно вкусное. Были также жареные птицы, похожие на голубей и дроздов. В горшках и выдолбленных из дерева сосудах пенились фруктовые и медовые напитки. Некоторые показались испанским морякам явно хмельными, наподобие легкого вина.

После пира индейцы запели довольно приятные, протяжные песни. Затем начали постукивать в небольшие бубны с натянутой на деревянные рамы кожей, разрисованной непонятными знаками, дуть в большие раковины, издающие унылое гудение. Засвистели и тростниковые местные свирели. Потом молодежь – парни и девушки в одних коротеньких юбочках – пошла плясать: очень задорно, весело и забавно. Некоторые молодые матросы присоединились к их танцам. Припомнили свои испанские «хоты» и отплясывали весьма горячо, как в Испании на больших праздниках.

Тогда Родригес достал из объемистого мешка стеклянные бусы и торжественно надел на шею старого вождя. Старик обомлел от восторга. Он велел своим детям принести ожерелье из розовых жемчужин и надеть на шею дорогого гостя.

Родригес прижал руки к груди, благодаря за «равноценный» подарок. Потом он достал из мешка медный колокольчик и зазвонил им над ухом вождя. Тот закатив глаза от счастья. Остальные индейцы издали вопль восхищения.

Родригес застенчиво указал на золотую бляху в головном уборе старика. Вождь без малейших раздумий отцепил ее и отдал неожиданному дорожному пришельцу, обменяв бляху на колокольчик.

Прочие моряки тоже приглядели у некоторых индейцев небольшие золотые украшения. Начался взаимный обмен, необычайно радовавший обе стороны. Однако золотых вещей оказалось немного. Испанцы пробовали настаивать, потребовали, чтобы золота принесли еще. Один грубый парень даже схватил какого-то индейца за горло. Но тот не обиделся, а только развел руками. Потом указал куда-то в сторону леса.

– Там, далеко отсюда, – перевел с большим трудом Нетамури. – Идите туда. Там очень много такого.

– Золота? – тяжело дыша от алчного возбуждения, спросил испанец.

– Да, золота, – подтвердил указания индейцев Нетамури. – Завтра идите. Хорошие индейцы покажут.

Ночевали спокойно, расположившись посреди деревни. Гостям предоставили пустую хижину. Некоторые ловкачи разделили циновки для сна с молодыми женщинами, которые не отклоняли их настойчивых ухаживаний.

Вождь деревни назначил гостям трех проводников. Они явились на следующее утро и пошли впереди отряда испанцев. Один был пожилой, невысокий, опиравшийся, как на посох, на копьё с наконечником из полированного обсидиана. Двое других – юные воины с луками и стрелами в узких колчанах, закинутых за спину. У них копья явно предназначались для метания – легкие, с тонким острым концом.

Индейцы пошли по неширокой тропе. Возглавляемые Родригесом испанцы разделились – кто-то с аркебузой или арбалетом, а другие с мешками и тесаками.

Родригес шел за проводниками в легкой кирасе, с мечом у пояса, положив на правое плечо секиру с копьевидным навершием, похожую на миниатюрную алебарду. Рядом с начальником бодро двигался Нетамури, изредка задававший вопросы индейцам-проводникам и переводивший им слова начальника.

В ветвях высоких деревьев, переплетенных широколиственными цветущими лианами, мореплаватели разглядели не только красноперых или желтых с синими хохолками попугаев, которые были им уже знакомы на островах, но также большие стаи обезьян, с воплями преследовавшие их по верхушкам древесных крон. У этих крикливых назойливых животных с длинными цепкими хвостами морды выражали вражду и досаду, – будто идущие по лесной тропе люди чем-то им помешали. Они мчались над головами путешественников, не переставая пронзительно верещать, пока пожилой индеец с коротким копьём не издал с помощью свистка резкий высокий звук. После чего обезьяны в одно мгновение умолкли, а затем умчались по ветвям в неизвестном направлении.

Затем появились другие обезьяны, крупнее прежних. У этих оказались длинные унылые носы и рыжие космы на голове. Но они не выражали никаких признаков недовольства. Они молча следили за передвижением людей далеко внизу, под ветвями, занимаемыми носатыми зрителями, и так же молча убрались, прячась в густой листве, почти непроницаемой для солнечного света.

Пожилой проводник указал однажды Родригесу и побудил перевести Нетамури, указав на небольших зеленовато-сизых змеек, свисавших иногда с древесных сучьев, что, мол, следует быть по поводу этих малозаметных гадов очень осторожными, ибо их укус неминуемо несет смерть.

Родригес, обернувшись, передал сообщение проводника остальным испанцам. Те хмуро покивали, принимая сведения об опасности, таящейся в этом лесу. Выругались себе под нос и озирались теперь по сторонам с тревогой.

– Вот твари поганые, – бормотали бородатые мореходы, – и не заметишь, как свалятся тебе на голову. А то и сам случайно наступишь или схватишь рукой. Милостивый Господь и Пресвятая Дева, спасите нас...

Однако надежда добраться до мест, изобилующих золотыми россыпями или самородками, пленяли их сердца. Они приготовились к всевозможным угрозам и опасностям. Это были мужественные люди, но охваченные одной меркантильной страстью: добыть золото.

К ночи из глубины леса донеслись жуткие звуки: рычание каких-то хищников, дикие изнывающие рыдания, какой-то жуткий рев и переливающийся многократно тоскливый вой.

– Это обезьяны, что ли? – спросил через Нетамури Родригес у пожилого индейца.

– Нет, – отвечал индеец, – это страшный зверь, пожирающий все на своем пути. И духи леса, еще более ужасные... – во всяком случае, так, примерно, понял ответ проводника по спотыкливому переводу Нетамури помощник капитана Пинсона. Он тут же передавал свои познания собратям в этом неслыханном плавании через Западный океан.

Наступление темноты предупредили, разведя с помощью индейцев костер, расчистив полянку вокруг костра и выставив на ночь сменный караул. Остальные подготовили для сна лежа из своих мешков и улеглись. Один испанец с аркебузой и один индеец с приготовленной стрелой и натянутым луком уселись лицом к лесу.

Кто-то приблизился посреди ночи и глядел из тьмы желтыми немигающими глазами. Испанец не знал, что придумать: стрельнуть, что ли, из аркебузы? Но молодой индеец решил по-своему. Он выбрал в костре головню покрупнее, сильно размахнулся и метнул ее прямо в немигающие глаза. Раздался резкий вскрик, потом стон и хихиканье... Желтые глаза исчезли. Больше не появлялись.

Утром проводник сказал через Нетамури: приходил лесной дух человеческого вида, но с длинными острыми зубами. Если человек из деревни будет один, то его он загрызет и выпьет всю кровь. А если людей много, как теперь, то этот лесной дух не страшен. Но все-таки надо быть настороже. Главное, не подпустить близко, а то укусит. Поэтому молодой Бияхо (так звали индейца-караульщика) поступил правильно.

Быстро поев и хлебнув воды из глиняных фляг, заспешили дальше. Лес временно кончился, начались открытые болотистые равнины с озерами и небольшими реками, соединявшими их. Проводник предупредил: чтобы шли точно по его следам, не отклоняясь в сторону, – можно провалиться в трясину рядом с тропой.

Через некоторое время выскочила лягушка желто-коричневого цвета и величиной с испанскую кошку. Она запрыгала рядом с идущими.

– Ну и пакость... – пробормотал один из матросов. Он хотел было отшвырнуть противное существо ногой.

Тут индеец, шедший поблизости, замотал головой. Даже оттолкнул бородатого гостя подальше; объяснил жестами: трогать нельзя, иначе лягушка может брызнуть в лицо ядом – тут, мол, либо умрешь, либо ослепнешь.

Пройдя еще несколько миль, испанцы подверглись нападению огромных ящериц, которые вылезли из озера и, распахнув зубастые пасти, пытались приблизиться к людям. Один матрос сказал: он слышал от португальцев, у которых есть колонии на африканском побережье, будто бы и там тоже в реках и озерах водятся такие же омерзительные опасные чудовища.

– Нам сейчас не до португальских чудовищ, – проговорил Родригес, готовя для выстрела аркебузу. – У нас тут своих хватает, как видишь... – Он выстрелил в голову одного из огромных ящеров¹².

На раненого ящера, окрасившего воду озера кровью, немедленно бросились другие и стали рвать своего сородича со свирепой жестокостью.

При грохоте выстрела индейцы-проводники присели и закрыли глаза. Только Нитамури, уже знавший, как бахает это ужасное оружие бледнолицых, остался стоять, хотя все-таки заткнул уши указательными пальцами и зажмурился.

– Не бойся, – ободрил его Родригес. – Мы пока не отстреливаем индейцев.

Отряд двинулся дальше, стараясь быстрее миновать поросшие тростниками берега, где можно было случайно столкнуться с таким же хищным чудовищем. Испанцы держали аркебузы наготове – и не зря.

Спустя полчаса огромный ящер напал на отряд и схватил поперек туловища молодого проводника. Тот отчаянно закричал. Пожилой индеец воткнул в бок чудовища свое копьё с обсидиановым острием. Однако, пока шедший немного дальше испанец целился в хищника из аркебузы, ящер успел рвануться обратно в реку, не выпуская из пасти свою добычу. Выстрел прогремел. Однако чудовище, продолжая держать в пасти индейца, рухнуло в воду. Брызги полетели по сторонам. И все люди увидели, как по берегу к своему удачливому сородичу мчится еще один хвостатый монстр с распахнутой пастью. Он бежал на своих коротких лапах со скоростью сбесившегося осла и ринулся отнимать добычу у того, что получил вдогонку свинцовую пулю.

– Кончено, парня уже не спасти, – сказал Родригес пожилому проводнику. – Скорей идем отсюда подальше. Господь и Пресвятая Дева, спасите нас от порождений сатаны...

Пожилой индеец с окаменевшим лицом поднял свое копьё. Он понял сказанное Родригесом, хотя и не знал испанского.

– Ай-ай, – тихо всхлипнул Нетамури, – нет Бияхо... Совсем плохо... У нас (он имел в виду остров откуда его забрали) нет такой зверь... Здесь плохо...

К счастью, на протяжении ближайших часов люди с «Пинты» видели хищных ящеров только издали. Матросы старались держаться ближе друг к другу и напряженно оглядывались по сторонам.

Однако местность стала меняться. Болотистые берега озер, поросшие тростниками, отступили. Появились гряды лесистых холмов, с большими редкими деревьями, на которых сидели огромные птицы. Птиц было много, они были похожи на орлов, но, пожалуй, казались более крупными, чем самые большие хищные птицы в горах Испании¹³. Некоторые взлетали, распахнув огромные крылья, и парили над отрядом словно собираясь напасть. Испанцы приложили к плечу приклады арбалетов и аркебуз.

– Не надо стрелять, – предупредил их через Нетамури старший индеец. – Они не нападут. Они питаются падалью.

---

¹² Южноамериканские кайманы.

¹³ Южноамериканские грифы.

Постепенно тропа, по которой двигался отряд искателей золота, стала расширяться. Со временем она стала шириной в несколько человеческих шагов и казалась основательно утоптанной. Тем не менее кругом лежали пустынные, просторные земли, поросшие невысокой травой. Пробегали где-то поодаль дикие козы – безрогие антилопы, немногочисленными стадами стремительно удалявшиеся при виде людей.

Чтобы переночевать спокойно, старший индеец предложил отойти в сторону от дороги примерно на полмили (в понимании испанцев) и спрятаться за деревьями. Так и сделали; ночью – тоже по совету проводника – не зажигали костра на всякий случай. Сменную охрану оставляли, конечно. И вот что случилось ночью.

Когда все утомленные походом заснули, кроме одного испанца с заряженной аркебузой и одного индейца с натянутым луком, послышался отдаленный звук. Он напоминал тонкий далекий вой.

По прошествии времени в той стороне, куда уходила утоптанная дорога, забрезжил красноватый свет. Далекий вой усилился, стал более четко различимым и явно приближался.

Сторожевые разбудили спящих. Протирая глаза, испанцы прислушались. Вой приближался, и свет становился все явственней и ярче. Луна в эту ночь почти не светила, хотя небо было безоблачное.

Скоро стало понятно, что тонкий вой – это пение высокого женского голоса. А странный красноватый свет исходит от большого числа факелов, который люди, какие-то индейцы, освещали дорогу, сопровождая довольно многолюдное шествие.

Показались индейцы, несущие на плечах нечто похожее на трон, – то есть седалище, украшенное блестящими узорами с металлическим блеском. На этом троне сидела обнаженная (сияющая только браслетами и ожерельями) молодая женщина с распущенными волосами. Она продолжала петь что-то торжественное, похожее на дикий гимн. По краям дороги шли рослые воины, полуголые, но с длинными копьями и колчанами за спиной.

Примерно двенадцать-пятнадцать носильщиков тащили клетку из толстых деревянных перекладин, в которой сидел, собравшись в огромный комок, зверь с пятнистой шкурой, время от времени издававший хриплый утробный рык.

Дальше, за клеткой со зверем, опять несли подобие трона, а на троне восседал седовласый, в высоком колпаке с перьями и ограненными самоцветами индеец – скорее всего, какой-то жрец или вождь. Он держал в руке нечто похожее на королевский скипетр.

После всех этих особо заметных фигур шествия дорогу топтали сотни две или три индейцев без копий и каких-либо отличий – мужчины и женщины. Некоторые поднимали над головами горящие факелы, другие были без факелов. Они помахивали ветками растения с перистыми листьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.